

КНИЖНАЯ ЛАВКА ПИСАТЕЛЕЙ

Ежемесячная газета Санкт-Петербургского отделения Союза писателей России

Книжный город на Дворцовой

Книжный город к XXI Санкт-Петербургскому международному Салону заметно вырос. Прибавились лекторий и павильон. Изменилась конфигурация внутри квартала, и площадь увеличилась почти до двух гектаров.

Салон посвящен Году единства народов России. Стенды Татарстана, Коми, республик и регионов. Здесь Вьетнам, Белоруссия, Узбекистан, Кыргызстан, другие бывшие республики страны.

Из республики Казахстан пришло Приветствие в адрес Книжного Салона от руководителя секции Совета по русской литературе и литературным связям Алма-атинской области при Союзе писателей республики Казахстан, председателя Творческого объединения «Вершины Талгара», члена Союза писателей России и Казахстана Николая Зайцева.

Вдоль Дворцового проезда плакат с буквами русского алфавита читаю названия 190 национальностей, населяющих страну. Впервые на площади работает видеостудия, где писатели и эксперты обсуждают вопросы литературы в прямом эфире.

Выступая на открытии Праздника книги, председатель Санкт-Петербургского Законодательного Собрания Александр Бельский отмечает, книга — «особый источник общения» и делится опытом — когда собирался к бойцам

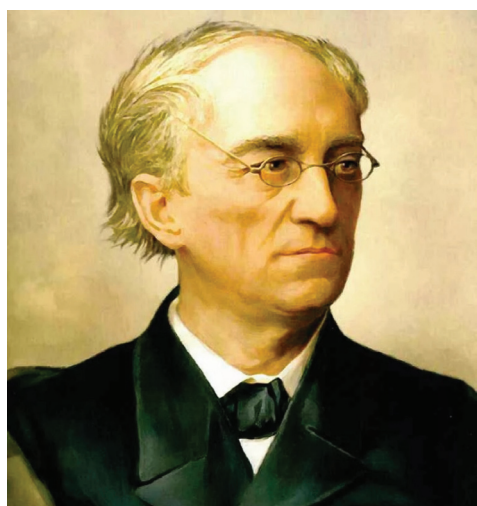
в СВО, они первым делом просили привести книги.

Кульминация первого дня — пленарное заседание в здании Главного штаба Эрмитажа, приуроченное к 200-летию Михаила Салтыкова-Щедрина. С инициативой выступает президент Российского Книжного Союза Сергей Степашин — вернуть имя писателя Российской национальной библиотеке, которую когда-то возглавлял Салтыков-Щедрин.

Начинается традиционный осмотр павильонов и лекториев помощником президента, первым секретарем Союза Писателей России Владимиром Мединским, председателем Законодательного Собрания Петербурга Александром Бельским, Генеральным директором Эрмитажа Михаилом Пиотровским и вице-губернатором Борисом Пиотровским.

Они останавливаются возле стенда «Союз писателей России». Владимир Мединский награждает Грамотами петербургских писателей, внесших большой вклад в развитие отечественной словесности: Александра Кушнера и Ирэну Сергееву, а так же — Благодарностью за активное участие в работе Союза писателей России ответственного секретаря Санкт-Петербургского отделения Союза писателей России Виталия Федорова.

Продолжение на стр. 4

Нам знаком Федор Тютчев, как замечательный поэт. А в статье Владимира Малышева мы узнаем его, как главного цензора России.

► Стр. 6

«Язык — маркер «своего», который невозможно подделать» — считает депутат ЗАКСа Санкт-Петербурга Марина Шишкина.

► Стр. 8

Ленинградцы не только пережили блокаду, показав чудеса стойкости, но и спасли памятники родного города, а после снятия блокады освобождали их от защитных укрытий.

► Стр. 10

Создаваемая в книгах писателем Василием Аксеновым реальность достоверна и безусловна.

► Стр. 11

Танцуют все!

Встречей с жителями города «Мелодии победной весны», состоявшейся 13 мая в Юсуповском парке, в Петербурге открылся второй сезон проекта «Городские танцевальные веранды».

Парк, где еще в начале XX века танцевали под живую музыку аристократы, становится главной сценой «Городских танцевальных веранд». Теперь петербуржцы кружатся здесь под аккомпанемент оркестра Ленинградского военного округа.

Этот проект — часть программы «Серебряный возраст». Он воплотил мечту старшего поколения сделать танцевальные вечера общегородским событием. Петербуржцы не только танцуют, но и участвуют в культурной программе.

Танцевальные площадки оборудованы с заботой о людях с ограниченными возможностями здоровья — на каждой создана безбарьерная среда.

буду организовывать танцевальные вечера, потому что знают, какая музыка больше нравится их сверстникам, какое расписание для них будет удобным.

Добрая традиция танцевальных площадок, о которых горожане вспоминают с теплотой

боржец» до роскошного Мраморного зала Дворца культуры имени Кирова.

В пресс-службе Комитета по культуре города сообщили, что при участии «Дома народного творчества» с мая по август в Петербурге будут организованы 12 масштабных программ, в том числе четыре общегородских танцевальных марафона.

Выбор главных площадок в историческом центре Петербурга сделан по итогам опроса жителей серебряного возраста. В проект войдут еще 17 площадок, в том числе в отдаленных районах города. А в теплое время года город охватят танцевальные марафоны.

Самый трогательный момент проекта — «Почта». В специальных местах петербуржцы смогут отправить открытки с фирменным дизайном близким, пригласив их на танцевальный вечер. Или написать себе «в будущее» — как яркое воспоминание.

Для гостей запланированы выступления хореографических коллективов и эстрадных исполнителей, мастер-классы и свободные танцы. Вход на все мероприятия бесплатный.

Владимир Сергеев

Участников будут встречать ведущие хореографы города, а балетмейстеры демонстрировать движения, которые затем повторят все вместе.

Главную роль в проекте играют волонтеры в возрасте от 60 лет. Это активисты из городского клуба ветеранов «Верны призванию». Они

ностальгией, включена в программу «Серебряный возраст» по просьбе старшего поколения. Кто, как не они помнят 1970–1980 годы, когда на танцплощадках Ленинграда в год собиралось до 5 миллионов человек. В городе работало больше 200 залов — от уютного клуба производственного объединения «Красный вы-

Цитата месяца

“ В художественном творчестве есть момент ремесла, хладнокровного и обдуманного делания. Но природа творчества экстаична. По природе искусство религиозно, ибо оно, не будучи молитвой, подобно молитве, есть выраженное отношение к миру и Богу. ”

Владислав Ходасевич

Дата в истории города

16 мая в Петербурге отметили день рождения Смольного института благородных девиц.

Институт был учрежден указом императрицы Екатерины II 262 года назад. И сегодня он остаётся для города символом исторической памяти и культурного наследия.

Инициатором создания первого в России женского учебного заведения выступил просветитель Иван Бецкой. Главной задачей института стало воспитание образованных жен-

щин, хороших матерей и полезных членов общества.

Изначально институт работал при Воскресенском Смольном женском монастыре и принимал 200 девушек из дворянских семей. В 1765 году при нём открыли отделение для воспитанниц из недворянских сословий.

В 1808 году по проекту Джакомо Кваренги для института построили отдельное здание — Смольный, который знает каждый петербуржец.

Основанный Екатериной II институт стал важным шагом в развитии всей системы образования в России, примером для других учебных заведений для девушек, открытых в Петербурге и других городах России.

Сегодня традиции женского образования продолжает Санкт-Петербургский кадетский корпус — Пансион воспитанниц Минобороны РФ.

Владимир Алексеев

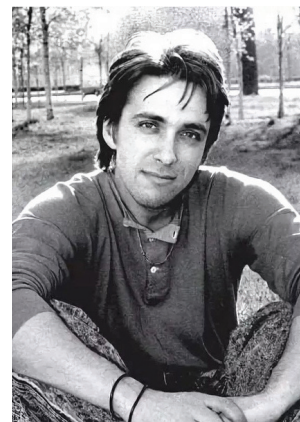
Фестиваль вернулся на Васильевский остров

Посвящается Сергею Курехину

23 мая в Санкт-Петербурге прошел 25-й Международный фестиваль современной музыки и искусства СКИФ 25.

Культовый смотр вернулся на историческую площадку — в центр современного искусства имени Сергея Курехина, в бывший кинотеатр «Прибой» на Васильевском острове.

С 2016 года здание находилось на реконструкции. Фестиваль проводился на других площадках города. Обновленное пространство, оснащенное самым современным оборудованием, впервые приняло участников и гостей СКИФА XXV.

Программа развернулась на трех сценах центра. Она нача-

лась на главной сцене с «Воробьиной» оратории Сергея Курехина в исполнении солистов оперы и симфонического оркестра. В основе концепции СКИФА — идеи легендарного музыканта, композитора и мистификатора Сергея Курехина и его знаменитой «Поп-механики».

Фестиваль объединил в себе авангардную музыку, перформансы, мультимедиа и видеоарт. В нем выступили артисты России, Китая, Казахстана и культовые представители ленинградского и петербургского андеграунда.

Соб. инф.

В первую столицу Руси

Туристы едут новым маршрутом

В Ленинградской области стартовали новые маршруты для гостей региона.

Теперь туристы бесплатно едут от станции метро «Площадь Восстания» Санкт-Петербурга до Старой Ладого. В пути их сопровождает гид, облаченный в исторический костюм.

В Старой Ладогe туристы знакомятся с достопримечательностями: Воротной и Стрелочной башнями крепости, Свято-Успенским женским монастырем, Земляным городом,

Никольским мужским монастырем и другими историческими памятниками.

Появление новых маршрутов к памятникам истории в Ленинградской области — это не только шаг к развитию внутреннего туризма, но и возможность для жителей региона по-новому взглянуть на знакомые места. В ближайшие месяцы ожидается рост интереса к экскурсионным поездкам, особенно среди молодежи и семей с детьми.

Соб. инф.

Три дня с русским языком

Идет международный филологический форум

С 13- по 15 мая 2026 года в Санкт-Петербургском Государственном университете прошел I Петербургский международный филологический форум «Русский язык и культурно-образовательный суверенитет многонациональной России».

Форум, посвященный 90 летию со дня рождения Людмилы Алексеевны Вербицкой, объединил представителей органов государственной власти, научного и образовательного сообщества, а также международных организаций для обсуждения роли русского языка как государственного и языка межнационального общения.

В день открытия форума в актовом зале СПбГУ состоялось пленарное заседание с участием представителей правительства РФ, Министерства просвещения России, Российской академии образования и ведущих научных центров.

Три дня на профильных секциях, круглых столах и тематических дискуссиях шли дебаты, обмен мнениями о функционировании русского языка, его преподаванию и развитию в современном культурном и образовательном пространстве.

В ходе форума российские и зарубежные эксперты представили исследования в об-

ласти языковой политики, лингвистики и методики преподавания, а также прикладные разработки, включая проекты в сфере преподавания русского языка и цифровых образовательных решений. Отдельное внимание уделялось вопросам преподавания русского языка в цифровой среде, успехам международного проекта "Онлайн школа СПбГУ", а также значимости толкового словаря государственного русского языка, разработанного экспертами СПбГУ и утвержденного распоряжением правительства РФ.

Соб. инф

Они не только книги пишут

На снимке: слева направо Владимир Михайлуца, Павел Алексеев, Галина Кожемяченко

В библиотеке им. А. Аалто в городе Выборге состоялось открытие выставки художественных фотографий. Их представили чле-

ны Союза писателей России Павел Алексеев и Владимир Сафронов.

Владимир Сафронов показал мультимедийный проект на основе фоторабот «Метаморфозы», где, глядя на ожившие кадры, читатели и посетители библиотеки погружались в метафизический мир изображений.

Каждая из двенадцати работ Владимира в экспозиции была посвящена конкретному месяцу года. Они давали общую фактурную летопись жизни, текущую из года в год.

У Павла Алексеева были представлены работы как реалистические, так и в стиле люминографии. Работы вместе создавало единую картину неповторимости окружающего мира.

Павел артистично читал свои миниатюры и короткие строчки, дополняя общую творческую атмосферу звучащим словом.

На открытие выставки приехали известные петербургские мастера фотографии Галина Кожемяченко и Владимир Михайлуца.

С интересом посмотрела работы литераторов искусствовед, кандидат философских наук Елена Григорьянц, выборгские профессионалы и жители города.

Владимир Вакин

В ночь музеев с музыкой

Константин Викторов

Кокосов говорил о судьбах музыкантов, для которых партитура стала боевым листком, а инструмент — оружием.

Свыше 60 тысяч петербуржцев и гостей Санкт-Петербурга стали участниками традиционной «Ночи музеев», которая прошла в Северной столице на более 140 площадках в ночь с 16 на 17 мая 2026 года

Специальные программы подготовили 143 учреждения культуры города. После заката 16 мая горожане и туристы ринулись в библиотеки, галереи, выставочные залы и в музеи. В этот раз места объединили темой «Родное»: как-никак, 2026-й — Год петербургской культуры.

16 мая «Ночь музеев» в Санкт-Петербурге открыл музыкальный спектакль «Эй, музыканты! Сил не жалейте!» по одноименному рассказу члена Союза писателей России Виктора Кокосова.

Это не просто концерт под сводами Государственного мемориального музея обороны и блокады Ленинграда — проект музея и детской музыкальной школы № 18. Это разговор по душам о том, как люди разных национальностей в грозные дни Великой Отечественной войны встали плечом к плечу и... взяли в руки смычки. Потому что отступить было некуда, а врага надо было бить не только штыком, но и высоким искусством.

Впервые в акции приняли участие 15 площадок. В их числе Зоологический музей, Смольный собор, мозаичная мастерская Академии художеств, Форт «Риф». В мозаичной мастерской, например, делились секретами смальтоварения и технологии создания панно, которые мы видим в том же метро. В Зоологическом музее рассказывали, как у них в коллекции оказался скелет синего кита и в чем уникальность коллекций, собранной исследователями, географами и натуралистами Николаем Пржевальским и Петром Козловым.

«Ночь музеев — 2026» оказала значительное влияние на культурную жизнь города, став масштабным событием, которое расширило горизонты восприятия культуры. Акция привлекла новых посетителей и открыла ранее недоступные пространства города, стимулировала интерес к истории и многообразию культур.

Соб. инф.

В переполненном зале звучали музыкальные произведения времен Русско-Японской и Великой Отечественной войны. А Виктор

«Петербург. Пространство Булгакова»

Так называется масштабный городской фестиваль, который открылся 15 мая в день 135-летия со дня рождения Михаила Булгакова.

В этот день на Большой сцене Молодежного театра на Фонтанке состоялось торжественное открытие фестиваля. Самые зрелищные и масштабные события прошли в Измайловском саду — музыкальная программа и представление на сцене Молодежного театра на Фонтанке, созданное под руководством

режиссера Наталии Третьяковой.

К проекту присоединились 40 организаций, среди них 11 театров, на которых шли постановки по произведениям писателя. А также 24 библиотеки, 5 музеев и Законодательное Собрание Санкт-Петербурга — Музейно-библиотечный просветительский центр Мариинского дворца, кинотеатр «Аврора» и Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики».

Фестиваль включен в перечень мероприятий Года петербургской культуры. Он будет продолжаться по 31 мая и представит жителям более 60 различных событий.

Это уже третий совместный проект Молодежного театра на Фонтанке и Театральной библиотеки. Предыдущие фестивали были посвящены Жану-Багисту Мольеру и Александру Пушкину.

Владимир Алексеев

Книжный город на Дворцовой

Продолжение. Начало на стр. 1

Вижу старого знакомого Милана Тешича. Милан живет в нашем городе с 2008 года. Впервые приехал в 1975 году, будучи студентом с другими студентами и профессорами и выступал в роли переводчика. Соседями Тешичей были эмигранты, и маленький Милан с детских лет умел писать и говорить по-русски.

Милан рассказывает о проведенном 10 Международном совместном литературном конкурсе Россия, Санкт-Петербург — Сербия, г. Шид 26, для детей и молодежи. С ним девушки — ученицы гимназии № 293 из Красного Села — победительницы. Он на снимке говорит с ученицей 9А класса Василисой Балашевой, занявшей первое место за стихотворение.

К стенду «Книжная Лавка писателей» спешит молодой мужчина. Представитель магазина Виолетта Королецкая спрашивает, что интересует читателя. Сергей смеется: «Я по образованию юрист, а по интересам — историк. Люблю читать книги воспоминаний, дневниковые записи известных людей прошлых столетий. Почитаешь, будто там побываешь».

Сергей приобрел книгу. А некоторые читатели разочарованы: кто-то не нашел знакомых издательств, другие не увидели любимых авторов. Но проходит день, другой и я встречаю их улыбающимися с новыми книгами. Да, как их не купишь, здесь Евгений Водолазкин, Дарья Донцова, Татьяна Черниговская и еще десятки других литераторов.

У Дарьи Донцовой сегодня выстроилась длинная очередь на автограф-сессии, но нельзя отрицать, что скоро такая, а может и больше, выстроится за книгами Александра Циберкина. Он начинающий петербургский писатель. На его первые книги уже обратили внимание. «Испанское небо» в прошлом году удостоено письмом — благодарностью за участие в Литературном конкурсе на премию Законодательного Собрания Санкт-Петербурга имени Маршала Советского Союза Л. А. Говорова. Нынче Александр Циберкин получил Благодарственное письмо — от спикера Собрания. Александр Бельский отметил его значительный вклад в сохранение памяти о Великой Отечественной войне и патриотическом воспитании молодежи. Скоро у Александра выходит третья книга. Посмотрим, какую награду она получит.

Каждая встреча, словно открытие

В лектории № 6 на встрече с заместителем редактора журнала «Родная Ладога» Валентиной Ефимовской и редактором журнала «Север» Еленой Пиетилияйнен звучит песня, посвященная погибшей на территории Карелии ленинградской девушке Анне Павловой, на слова Елены Пиетилияйнен. Сильный минометный огонь прижал мужчин полка к земле, Анна поднялась, и за ней пошел полк.

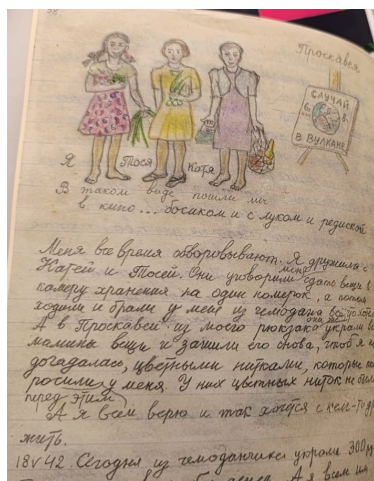
Председатель правления Санкт-Петербургского отделения Союза писателей России Борис Орлов выступает на круглом столе «Из всех краев, из всех республик мы защищать пришли страну»

И еще новость! Оказывается, беспилотные летательные аппараты были изобретены в блокадном Ленинграде в Ленинградском институте инженеров связи имени Бонч-Бруевича еще в 1943 году. Об этом в материале «Операция «Шахед», опубликованном в журнале «Север».

Перед читателями «Военный дневник и блокадные письма 22 июня 1941 — 1 июня 1945», написанные Таней Вассоевич. Книгу, заполненную ленинградской школьницей с цветными рисунками в блокаду, представил читателям сын Татьяна директор Института востоковедения РГПУ им. А. И. Герцена, профессор Андрей Вассоевич.

Таня пережила страшную блокадную зиму 1941–1942 годов. С первого дня войны и до победного мая 1945 года вела дневник. Он не перепечатан, а отсканирован — это факсимильное издание, которое дает возможность увидеть его в точности таким же, как в оригинале.

Круглый стол «Театры, музыка, кино, кинотеатры и радио в блокадном городе» собрал полный зал слушателей. Многие из них с удивлением узнавали, что в Ленинграде, даже в самую страшную зиму горожане ходили

Страницка из «Военного дневника» Тани Вассоевич

в театры, в кинотеатры, слушали музыку. Это ленинградцев спасало от смерти. Умирили чаще, кто думал только о хлебе.

Представитель магазина «Книжная Лавка писателей» Виолетта Королецкая беседует с покупателем

Чтобы понять силу русского характера, нужно было послушать Марину Коняеву — жену умершего почти восемь лет назад известного петербургского писателя Николая Коняева. Он не закончил трилогию, в которой рассматривал историю русской идентичности, начиная с глубокой древности. Марина Коняева принесла, изданный сигнальный вариант сборника юношеских стихов мужа. В стихах, Николай Коняев указал свой творческий путь в прозе.

Круглый стол «Из всех краев, из всех республики мы защищать пришли страну». Представители разных народов и народностей рассказывали не только о книгах, но и героях, которые прошли Великую Отечественную войну и, которые бьют врага сегодня в СВО. О своих родных, сражавшихся с врагами, рассказывал и председатель Санкт-Петербургского отделения Союза писателей России Борис Орлов.

Ждали редакцию журнала «Наш современник» и ожидания оправдались. Поэт, журналист, главный редактор журнала Карина Сейдаметова не только говорила о журнальных публикациях. Она читала стихи поэтов, сражающихся на СВО и погибших в боях с врагом.

Генеральный директор журнала «Наш современник» Сергей Куняев, продолживший дело отца Станислава Куняева напомнил читателям его слова о цели журнала: «Нам не все равно, что будет с Россией» и рассказал, как, несмотря на трудности с распространением журнала, нападки либералов, редакция продолжает публиковать самые злободневные произведения российских писателей.

Каждая беседа — открытие

Накал разговоров, как и ожидалось, был на встрече с редакторами и авторами альманаха «Мы наши», периодическим литературным изданием патриотической направленности. Журналу третий год. Издание публикует мемуарную литературу о СВО.

В восьмом выпуске «Мы видим все» вышли в свет отредактированные рассказы фронтовиков (снайперов, штурмовиков, командиров подразделений), собранные в зоне боевых действий. Мемуаристку представляет и десятый выпуск альманаха — «Блокадные тетради Донецка» — дневниковые записи донецких писателей, переживших в осажденном Донцке страшные 2014–2015 годы. Это продолжение, вышедших в прошлом году записок луганских литераторов — книги «Блокадные тетради Луганска».

Открывала встречу главный редактор альманаха Юлия Карасева. Ее дополняли выпускающий редактор альманаха, волонтер СВО Иван Карасев, писатель, редактор, волонтер и ветеран силовых структур, автор сборников короткой прозы Евгений Мирмович и ветеран чеченских компаний, автор сборников рассказов Андрей Макаров.

Член Союза писателей России Владимир Лукин на Книжном Салоне

В напряженной тишине слушаем писателя из Санкт-Петербурга Сергея Сороковикова. После объявления мобилизации сын попросил его договориться об отправке на СВО. С 2022 года он воюет танкистом, прибывает домой на побывку и уезжает на фронт.

Сергей вспоминает случай — во время презентации «Блокадной книги» перед студентами, одного из авторов Даниила Гранина спросила молодая девушка: «Ну, подумаешь, украли

Милан Тешич и победительница конкурса Василиса Балашева

у блокадника карточку. Потом дадут другую. В чем подвиг?»

И Сороковиков ответил залу: «Мы не только на фронте должны выдерживать напор врага и дойти до победы. Мы обязаны победить и внутри страны, встречаясь, рассказывая правду о войне, что бы потом кто-нибудь из будущего поколения не задался таким вопросом».

Продолжал тему поэт из Луганска Марк Некрасовский: «Я историк по образованию. Но стал писать дневники, потому что понял — нужно документировать события. После нас не должно быть людей, сомнеющихся в наших поступках».

От Марка узнаем удивительный факт. В Луганске в 2011 году поставлен памятник жертвам гражданских сотрудников, погибших от рук УПА. Марк читает свои замечательные стихи, и у многих невольно выступают слезы.

Чем еще запомнился Книжный Салон 2026 года? Новинкой стал ИИ-аттракцион: посетителям предлагается сесть в стеклянный куб напротив робота и задавать ему вопросы о книгах и не только. Отвечать на них может как искусственный интеллект, так и живой человек (голоса звучат одинаково). Участнику эксперимента нужно пробовать угадать: он разговаривает с бездушной машиной или с живым человеком.

Татьяна Черниговская и Константин Анохин рассказали о совместной научно-популярной работе «Мозг и его «Я»». По их словам, текст построен как живая беседа, и в этом его главная ценность.

Четыре дня петербуржцы и гости города отправляли открытки с «Литературной почтой». Я тоже послал открытку... своей жене.

Владимир Васильев

Неожиданная находка на Мойке, 5

В самом сердце Золотого треугольника Северной столицы, на нечетной стороне набережной Мойки, за Круглым рынком, напротив главного фасада ныне обветшавшего Конюшенного двора расположен довольно обычный для центра Петербурга трехэтажный дом с красной металлической крышей под номером пять. Примечателен же он тем, что стал практически трехвековым свидетелем истории Петербурга, отразив в своем облике значимые ее этапы и продолжая хранить традиции.

Первое здание на этом месте появилось еще в XVIII веке благодаря русскому зодчему Ивану Коробову — одному из российских «пенсионеров», отравленных Петром I для обучения в Европу. По возвращении из Голландии, уже при Анне Иоанновне, Коробов становится архитектором Адмиралтейского ведомства и строит второе каменное здание Адмиралтейства, в точности следуя при этом собственноручному эскизу Петра Великого: башня с золоченым шпилем, увенчанная «яблоком» под короной и трехмачтовым парусником. Именно отсюда вскоре разойдутся три главных луча-проспекта центральной части города. Иван Коробов входит в возглавляемую Петром Еропкиным Комиссию о Санкт-Петербургском строении, активно занимается градостроительством, укреплением набережных. По его проекту был прорыт Ново-Адмиралтейский канал вдоль Новой Голландии; у Партикулярной верфи на Фонтанке Коробов возвел сохранившуюся до наших дней церковь Святого Великомученика Пантелеимона Целителя. Строит он и на участке между Мойкой и Миллионной улицей, где в то время находилось домовладение камергера императорского двора Павла Балка. После казни Еропкина Коробов был вынужден переехать в Москву, где занимался, в частности, реставрацией стен и башен Московского Кремля.

Дом же на Мойке, продолжая жить своей жизнью, в конце XVIII века вместе с особняком по Миллионной, 6 переходит по наследству внуку Балка — сенатору Павлу Щербатову. Затем домовладелицами поочеред-

но становятся его вдова Анастасия и дочь Наталья — жена графа Александра Зубова, полковника, внука фельдмаршала Суворова и племянника последнего фаворита Екатерины II Платона Зубова. Позднее домовладение переходит к Ольге Зубовой, которая стала последней хозяйкой этого участка перед тем, как в 1857 году он был выкуплен в императорскую казну и перестроен придворным зодчим Андреем Штакеншнейдером под служебный корпус и конюшенный двор Ново-Михайловского дворца.

Стоит отметить, что буквально за год до продажи, в 1856 году, здесь на некоторое время селится совсем еще юный Н. А. Римский-Корсаков.

В 1857–1862 годах Штакеншнейдер, будучи уже известным архитектором, возводит Ново-Михайловский дворец на Дворцовой набережной, напротив Петропавловской крепости, для великого князя Михаила Николаевича, сына императора Николая I. Здание по Миллионной, 6 он перестраивает для дворцовых служащих, а верхние этажи дома по Мойке, 5 приспособливает для прислуги великих князей: поваров, кухарок, конюхов, плотников, истопников и др. На первом же этаже с арочными окнами-витринами работала сдаваемые купцам торговые

лавки (в двух шагах от дома, через переулочек — рынок). В дворовых строениях между Миллионной и Мойкой разместились каретная, кузница, конюшни и сараи.

Безусловно, дома по Мойке, 5 и Миллионной, 6 перестраивались и при прежних владельцах. Имеются сведения, что значительные изменения в их облик по заказу Зубовых в середине XIX века внес шведский архитектор Карл Густав Альштрем. Однако доподлинно не известно, кто из архитекторов — Альштрем или Штакеншнейдер — надстроил дом на набережной третьим этажом с выходащими во двор коридорами-галереями, украсив фасад здания рустами и лепниной. Но до нашего времени он сохранился именно в таком виде.

Тетя Соня, двоюродная тетка деда автора статьи, приехала в Петроград из Литвы еще до революции и, выйдя замуж за работника Конюшенного ведомства, поселилась на Мойке, 5, на третьем этаже. Рано овдовев, всю дальнейшую жизнь она прожила в этом доме одна в своей квартире с окном на набережную.

Если о допетроградском периоде жизни тети Сони нам практически ничего не известно, то о последующем мы также знаем, увы, очень мало. Она прожила в Ленинграде всю войну и блокаду, не эвакуировалась. Рабо-

в Мюнхене. В последние годы колоть поленья и поднимать дрова на третий этаж ей помогали племянники. Благодаря им и остались некоторые воспоминания.

В квартире тети Сони были четырех с половиной метровые потолки, и потому на части площади были возведены антресоли, на которые из кухни вела деревянная лестница. Эти «верхние комнаты» тетя Соня сдавала студентам. Кухня была темной, ранее, почти темной: небольшое окно выходило в лестничный коридор с широкими арочными окнами на противоположной стене. Такие же «окна в окна» были и в антресольных комнатах, расположенных над прихожей и комнатой-кладовой. Единственным (но зато каким!) полноценным помещением квартиры была почти тридцатиметровая комната, из окна которой открывался незабываемый вид на Мойку, Конюшенный двор, купола Спаса на Крови и шпиль Михайловского замка.

После войны эта, по сути, однокомнатная квартира стала коммунальной — жилья в городе не хватало, и в десятиметровую темную комнату-кладовую подсадили женщину. Она прожила в квартире около двадцати лет, прежде чем уже в 1960-е годы получила другую жилплощадь. После этого в нежилое помещение уже никого не заселяли, и тетя Соня вновь стала полноправной хозяйкой квартиры. К тому времени в доме появились газовые плиты и колонки. Ванны не было.

Незадолго до ухода из жизни тетя Соня прописала в квартире одного из племянников, тот, в свою очередь, дочку, и таким образом квартира оставалась в семье до конца XX века точно, а дальше... Дальше следы теряются. Вроде бы в начале нулевых представители младшего поколения владельцев квартиры (к тому времени уже, конечно, собственники) уехали за границу. Потом, лет через двадцать, по слухам, кто-то из них вернулся. Но в эту ли квартиру — мы уже не знаем.

И не знали бы ничего. Но помог случай. Буквально в прошлом месяце, блуждая по просторам интернета на очередном этапе краеведческих изысканий, автор предлагаемого читателю материала наткнулась на статью петербургского риелтора, который в целях рекламы своих услуг ведет авторский блог. И вуаля — в нем Тетисонина квартира! Понять, что это именно она (ведь интерьер, примерное представление о котором автор сложила только по описаниям, за более чем пятьдесят лет претерпел неизбежные значительные изменения, а точный адрес в таких публикациях не указывается), помогла как раз своеобразная планировка с выходащими в галерею окнами. Пост был уже трехлетней давности, жилплощадь, соответственно, давно продана. По представленному же риелтором фотографиям видно, что была она отнюдь не в идеальном состоянии... Однако это и неплохо — зато квартира избежала губительных переделок и сохранила поистине уникальный артефакт.

По воспоминаниям родственников, навещавших тетю Соню в последние ее годы, у нее было еще дореволюционное издание «Сказки о царе Салтане» Пушкина с цветными иллюстрациями Билибина. Книга, конечно же, вызвала восторг не только у детей, но и у взрослых. Но истории ее появления в доме никто не знал, да как-то в то время и не интересовались... Пережила ли она здесь блокаду или была кем-то принесена уже после — осталось загадкой. Не знаем мы ее судьбы и теперь.

До революции и сам Иван Билибин бывал тут неподалеку — на Мойке, 1, в знаменитом доме Адамини, возведенном еще в пушкинские времена. В 1915–1917 годах здесь, в художественном бюро Надежды Добычиной, проходили выставки мирискусников. Свой же труд по иллюстрированию «Сказки о царе Салтане» художник посвятил Н. А. Римскому-Корсакову, который написал свою известную одноименную оперу к 100-летию А. С. Пушкина.

Недавно нам удалось побывать в парадной интересующего нас дома. Итог таков. По сравнению с описаниями, относящимися к семидесятым годам, очень многое, безусловно, изменилось. Двор вымощен тротуарной плиткой, зелени осталось мало, место отдано под парковку и уже упомянутую котельную. В соседнем подъезде теперь гостиница. Сквозной проход через дворы на Миллионную закрыт. Дверь в парадную, конечно, металлическая, с домофоном. Лестница отреставрирована: очищена от штукатурки до красного кирпича, заменены окна, подоконники, почти все двери в квартиры, установлены новые светильники. Чердак переоборудован в мансарду, которая сдается под офисы. При подходе же к галерее на третьем этаже мы обнаружили, что, несмотря на все поновления, остались старая общая дверь с уже неработающими звонками, дровяные ящики под подоконниками, несколько так и не заделанных квартирных окон в коридор. И... на стенах галереи в аккуратных рамках под стеклом — иллюстрации к русским сказкам Билибина.

Наталья Берзина

Апология цензуре

Почему ее отмена не привела к расцвету русской литературы, а лишь стала одной из причин ослабления государства.

«Демократическая» общественность в России всегда боролась против цензуры. Боролась при царе-батюшке, боролась при власти коммунистов, а те, кто продолжает считать себя таковой и сегодня, борются и сегодня. Хотя цензура в РФ запрещена по Конституции, но вот, что любопытно. Что литература процветала в нашей стране как раз в те времена, когда цензура имела место быть и была особенно, как считали, «свирепой». Т. е. в царской России и в СССР. Но именно при царской власти жили и творили такие ее величайшие гении, как Пушкин, Лермонтов, Лев Толстой, Тютчев и другие писатели и поэты, которых тоже легко можно причислить к числу таковых. Гении, которых знает и сейчас весь мир. Золотой век литературы был на нашем дворе. Даже в СССР они были, несмотря на Главлит. Как например, Булгаков или Шолохов. И в их числе Нобелевский лауреат по литературе Бродский.

Но вот грянула разрушительная Перестройка, рухнул СССР, и цензуру разом отменили. Мало того, что просто закрыли Главлит, а еще и внесли этот запрет в Конституцию, дабы никому не повадно было творческую общественность в чем-то ограничивать. Пиши, что хочешь! Печатай, что в голову взбредет!

Все, как прежде, когда петербургский поэт-сатирик Саша Черный писал:

*Дух свободы... К перестройке
Вся страна стремится,
Полицейский в грязной Мойке
Хочет утопиться.
Не топись, охранный воин, —
Воля улыбнется!
Полицейский! Будь покоен —
Старый гнет вернется...*

Понятно, что демобщенность по этому поводу и в 1991 году снова возликовала и... что же? Где же гении? Где новые гении пера, которых мы могли бы поставить рядом с Пушкиным и Лермонтовых, или хотя бы с Булгаковым? Нет таковых, хотя свобода творчества ничем не ограничена и уже почти 30 лет никакой цензуры нет и в помине. Но оказалось, что ее отмена расцвету литературы никак не способствовала.

Осмелимся даже сказать, что ей навредила. Широко распахнула ворота для графоманов и литературных дельцов, бросившихся зарабатывать на пропаганде низменных пороков и всяческих ЛГБТ, отнесшая на обочину действительно талантливых писателей. Достаточно сказать, что одно время в Петербурге самым большим тиражом издавалась книжонка «Лето в пионерском галстуке» с историей нетрадиционных отношений между подростком и вожатым. Когда это обнаружилось, стали быть тревогу. Такого рода книги запретили, что и стало — пора это признать — первым шагом к возрождению цензуры. Еще робким и неуверенным, потому что сопротивление было бешеным. Которое проявилось, в частности, в том, что прежние литературные «генералы»: Акунин, Глуховской, Быков, Улицкая и им подобные, облаканные не только либеральной критикой, но и властями и усыпанные премиями, задали деру за границу. Мол, мешают нам в России свободно творить!

Цензор Всея Руси

Совершенно по-другому вел себя еще в позапрошлом веке действительно великий русский поэт Федор Иванович Тютчев. Хотя он и написал, что

«умом Россию не понять...», на самом деле на самом деле много понимал и предчувствовал. Не все знают, что из семидесяти прожитых лет он 25 отдал служению проклинаемой либералами цензуре. В феврале 1848 года Тютчев был назначен чиновником особых поручений пятого класса и старшим цензором при Особой канцелярии Министерства иностранных дел. С одной стороны, назначению способствовал 20-летний опыт работы поэта в дипломатической миссии за границей, знание многих иностранных языков и литературы. С другой — протекция князя-поэта Петра Вяземского, который хотел «продвинуть» в общество цензоров «своего» человека.

В итоге Тютчев, как пишут его биографы, обрел широкую популярность в общественных и правительственных кругах, а также был желанным гостем в московских и петербургских салонах и при дворе. Это давало ему гораздо больше полномочий, нежели остальным цензорам.

«Федор Иванович Тютчев пропускать к печати всё, что попадало ему на одобрение. По своим большим связям <...> он разрешал гораздо более, чем обыкновенный чиновник министерства», — такие воспоминания оставил бывший помощник редактора петербургской политической газеты «Северная пчела» Павел Усов.

А необходимость государственной цензуры понимали тогда не только Тютчев, но и другие лучшие умы России. Она вовсе не была «охранительным» капризом императора-самодержца. Так Николай Гоголь указывал на отсутствие в тогдашней газетной деятельности, манипулирующей человеком, достаточных нравственных оснований и подлинной легитимности.

«Люди темные, никому не известные, не имеющие мысли и чистосердечных убеждений, правят мнениями и мыслями умных людей, и газетный листок, признаваемый лживым всеми, становится нечувствительным законодателем его не уважающего человека. Что значат все незаконные эти законы, которые видимо, в виду всех, чертит исходящая снизу нечистая сила, — и мир это видит весь и, как очарованный, не смеет шевельнуться? Что за страшная насмешка над человечеством!», — с негодованием восклицал великий писатель.

Таинственная и разлагающая сила

Так думали и виднейшие государственные деятели России. Константин Победоносцев, например, вопрошая, кто дал права и полномочия той или иной газете от имени целого народа, общества и государства возносить или ниспровергать, провозглашать новую политику или разрушать исторические ценности, замечал: «Никто не хочет вдуматься в этот совершенно законный вопрос и дознаться в нем до истины; но все кричат о так называемой свободе печати, как о первом и главнейшем основании общественного благоустройства... Нельзя не признать с чувством некоторого страха, что в ежедневной печати скопляется какая-то роковая, таинственная, разлагающая сила, нависшая над человечеством».

В 1857 году Тютчев становится действительным статским советником и пишет «Письмо о цензуре в России», адресованное государю. Рукописный вариант текста широко обсуждался и, вероятно, стал поводом для дальнейшего повышения Федора Ивановича по службе. Так, он был избран членом-корреспондентом Академии наук по отделению русского языка и словесности, а после стал председателем Комитета иностранной цензуры.

Его мнение было весомым в обществе, чем поэт, безусловно, пользовался. Так, в это время выходит целый ряд его стихотворений, которые касаются происходивших в России и Европе политических событий. А в 1870 году Тютчев пишет стихотворение, как бы подводя итог своей деятельности в роли цензора.

*Веленью высшему покорны,
Умысли стоя на часах,
Не очень были мы задорны,
Хотя и с шутцером в руках.
Мы им владели неохотно,
Грозили редко и скорей
Не арестантский, а почетный
Держали караул при ней.*

Не зло, а полезный инструмент

Другими словами, великий русский поэт и выдающийся общественный деятель считал цензуру вовсе не злом, а необходимым и полезным инструментом государственной политики, выражая сожаление, что пользовался им недостаточно активно. Поскольку ее послабление или отсутствие давало простор недругам России для враждебной деятельности против нашего государства. Что, кстати, и происходит у нас сегодня.

Не многие знают, что термин «руссофобия» ввел в общественный оборот именно Тют-

чев. Впервые он употребляет его в письме к своей дочери Анне. «Следовало бы рассмотреть современное явление, приобретающее все более патологический характер, — писал он. — Речь идет о руссофобии некоторых русских — причем весьма почитаемых... Раньше они говорили нам, и они, действительно, так считали, что в России им ненавистно бесправие, отсутствие свободы печати и т. д., и т. п., что потому именно они так нежно любят Европу, что она, бесспорно, обладает всем тем, чего нет в России.

А что мы видим ныне? По мере того, как Россия, добываясь большей свободы, всё более самоутверждается, нелюбовь к ней этих господ только усиливается. И напротив, мы видим, что никакие нарушения в области правосудия, нравственности и даже цивилизации, которые допускаются в Европе, нисколько не уменьшили пристрастия к ней», — считал Тютчев.

Что же изменилось с тех пор? А ничего! Можно подумать, что Федор Иванович писал про день сегодняшний, описывая поведение и взгляды современных российских либералов. Только к рабскому поклонению Европе нужно добавить еще и США, но во времена Тютчева Соединенные Штаты в этой полемике еще не принимали участие, да еще и не были претендентами на мировую гегемонию.

А на своем посту цензора Тютчев проявил удивительную прозорливость. Запретив, например, печатать в России изданный в Германии «Манифест коммунистической партии» Маркса и Энгельса. «Кому надо, прочтут и по-немецки», — с иронией добавил он. Слово, пророчески предчувствуя все те беды, которые принесут потом России излагаемые в этом манифесте революционные идеи. А накануне рокового 1917 года цензура в России уже практически отсутствовала, оппозиционные газеты и журналы открыто поносили власть, несмотря на то, что шла судьбоносная война с Германией. К чему это в итоге привело, известно.

Напомним, что и в последние годы существования СССР, бдительность советской цензуры, подведомственной лукавому члену Политбюро Яковлеву, и под фальшивым лозунгом «Гласность» от Горбачева тоже ослабла, что и стало одной из роковых причин краха великого государства. Все эти жестокие уроки истории мы не должны забывать!

А что же классики?

Кстати, даже самые главные авторитеты для либералов в литературе относились

к цензуре, порой, совсем не так, как принято думать. Вот, что писал о цензуре, например, лауреат Нобелевской премии по литературе Иосиф Бродский: «Есть кое-что еще более интересное. Двойственное значение цензуры. Она, цензура, чудовищна, ужасна, все это правда. Она всеобъемлюща, если хотите, но, по крайней мере для писателя, часто приносит и пользу. Цензура превращает весь народ в читателей, создает некое стилистическое плато».

А вот суждение о цензуре главного авторитета для всех пишущих в России — Пушкина. В своем «Путешествии из Москвы в Петербург» он писал: «Разве речь и рукопись не подлежат закону? Всякое правительство вправе не позволять проповедовать на площадях, что кому в голову придет, и может остановить раздачу рукописи, хотя строки одной начертаны пером, а не тиснуты станком типографическим. Закон не только наказывает, но и предупреждает. Это даже его благодетельная сторона».

Действие человека мгновенно и одно (isolé); действие книги множественно и повсеместно. Законы противу злоупотреблений книгопечатания не достигают цели закона: не предупреждают зла, редко его пресекая. Одна цензура может исполнить то и другое».

Владимир Малышев

Федор Тютчев издал в Мюнхене брошюру о взаимоотношениях России и Германии, где он в резкой форме осудил Германию за то, что Россия, освободившая Европу от Наполеона, постоянно подвергается нападкам в европейской печати. Однако они поставили памятник Федору Тютчеву.

О чем рассказывают мультики?

«Питайся детская душа!»

Не так давно я услышал, как один молодой человек лет пяти, стоя около копии античной статуи «Диана», спросил у своей мамы:

«Мама, а это, из какого мультика?»

Мама затруднилась с ответом.

Я тоже задумался. Рассказать малышу о подвигах Геракла, и вообще о мифах древней Греции? Но мультики нынче повествуют совсем о другом. Как и вообще интернет, в котором нынешние дети «сидят» как раз примером с пятилетнего возраста.

О чем же эта мировая сеть повествует?

Если сказать коротко — об эрозе, танатосе и конце света. Технологии формирует мир по образу и подобию своего хозяина. Причем формирует почти тотально — за теми исключениями, которыми подтверждается правило. Старик Фрейд улыбается со своей трубкой. Как в воду глядел, обнажив нутро грешного человека. Правда, ему пришлось — таки прикрыть это змеино нутро фиговым листком своего super ego — всё-таки ещё самое начало XX века было, сравнительно вегетарианские времена.

Сегодня вещи называют своими именами. Их просто показывают, особенно детям, юношам и девушкам. 24 часа в сутки мировая сеть выбрасывает терабайты информации, половину из которой (это подсчитано) составляет порнография. Та, которую раньше подсовывали из-под полы на базаре или в сомнительных компаниях. Менее грубая, но опасная, глубиннее. Теперь эта социальная НОРМА. Детская порнография, вроде бы, запрещена, а взрослая — да сколько угодно. Питайся ею, детская и взрослая душа.

То же самое — насилие. Убей его, иначе он убьет тебя. Чудовища — двурогие и шестиногие — лазают/летают по свету, как его хозяева. Американский человек-паук — любимый герой миллионов. Он хороший, говорят дети. Неважно, что паук. Сформирована фаланга монстров неведомых названий и очертаний. Они «колют, рубят, режут». Главное — победа! Недавно видел сюжет, как подростки лет 15-ти скрытно протягивают на детской площадке тонкую, почти невидимую леску — специально для того, чтобы какой-нибудь малыш на бегу порезал себе глаза. Милые детки. В сентябре 2020 года ФСБ арестовала

13 подростков, планировавших в разных городах взрывы на торжественных линейках в школах, и уже изготовивших бомбы. Правительству специальным указом пришлось запрещать АУЕ — уголовную, в прямом смысле слова, молодежную идеологию: «арестантский устав един».

А вот и конец света. В подростковом сегменте сети это самый «хайп». «Одна живем» — это в прошлом. Сегодня круче: «живи быстро и умри молодым!» Полузакрытые (только для своих) сайты учат «ласковой смерти» — от прыжков с крыш для девушек до тяжелых наркотиков для юношей. Окультизм группировки под разными слоганами предлагают красивую смерть — от каз от священного дара жизни ради черной дыры антибытия. Собственно, это и есть антицерковь для молодежи, со своим тщательно разработанным словесно-музыкальным оснащением. Тяжелый рок — пляска темных племен. Я уже не говорю про рэп, особенно про рэп-баттлы с уничтожением противника абсценным словом, которое есть ничто иное, как молитва сатане. Один псевдоним «Гнойный» чего стоит! Гнойное слово (движение, жест) царит сегодня на улице, на радио, на сцене и, разумеется, в сети. Инволюция НОРМЫ идет со скоростью самолета. Я помню времена, когда девушки матерных слов не произносили. Совсем недавно было.

Корни зла

На просвещенном Западе дело обстоит серьёзнее. Если на Руси знают, что грешат, то тамошние либералы — особенно университетские профессора — искренне полагают, что так можно, и даже нужно. Прогресс — это возрастание свободы! Нет Бога, нет традиции, нет нации, нет пола, нет Родины. Есть права человека! Радужный флаг — победитель небесного деспотизма. Рационализм — самодостаточный конечный человеческий рассудок — не различает ценностей.

Как гениально предвидел Достоевский: «...свобода, свободный ум и наука заведут их в такие дебри и поставят перед такими чудами и неразрешимыми тайнами, что одни из них, непокорные и свирепые, истребят себя самих, другие, непокорные, но малосильные, истребят друг друга, а третьи, оставшиеся, слабосильные и несчастные, приползут к ногам нашим и возопиют к нам: «Да, вы были правы, вы одни владели тайной, и мы возвращаемся к вам, спасите нас от себя самих».

Недавно президент Франции Макрон — кажется, по поводу какого-то юбилея расстрела исламскими радикалами редакции журнала «Шарли эбдо» — гордо заявил, что каждый француз имеет право на богохульство. Это же прямо цитата из Велико-го Инквизитора: «О, мы разрешим им и грех, они слабы и бессильны, и они будут любить нас как дети за то, что мы им позволим грешить».

Я вспоминаю при этом многотысячные толпы на улицах Парижа в январе 2015 года — с обнявшимися премьерами почти всех европейских стран во главе — громко кричащих: «Мы все Шарли!». В переводе на человеческий язык: «Мы все богохульники!».

Это цивилизация? Нет, это варварство. Причем варварство вторичное, постцивилизационное, наступившее после всеобщего торжества космополитизма/атеизма/либерализма (КАЛа). Если задуматься о функциональных корнях происходящего в XXI столетии возврата к Хаосу, то придется признать, что это вторичный Хаос — в сущности, искусственный продукт, инволюция онтологически темных (нисходящих) энергий. На наших глазах разворачивается полномасштабный инферногенез — в Европе, Америке и отчасти в России. Дело тут не только в транснациональных корпорациях, снимающих любые границы — от географических до моральных — для своих капиталов. Дело в исходных ценностях установках владельцев этих корпораций, полагающих подобную ликвидацию необходимой и успешной. Не экономика, вопреки Марксу, является базисом культуры, а, наоборот, культура является базисом экономики, государства и цивилизации вообще. А базисом культуры и цивилизации является религия. Цивилизация, культура и технология — это то, что вокруг культа (П. Флоренский). Культура — это сфера смыслов, а религия — это область совершенств и могуществ, эти смыслы определяющих.

Если капитализм возник вопреки христианству («раздай своё богатство, богатый юноша, и следуй за Мною»), не говоря уже о запретном проценте), то посткапитализму и вовсе ничего не стоит продать душу князю мира сего. В сущности, в XXI веке мы встречаемся с глобальной империей/цивилизацией зла, ядро которой находится в виртуале, но культурное и технологическое оснащение которой представлено на всех уровнях современного информационного космоса. Её своей

волей — сознают они это или нет — творят свободные носители люцифериянского выбора в истории. Якобы расовые протесты в Америке поддерживают сегодня отнюдь не только черные — их организаторами вступают как раз белые, но лишь с прическами зеленого, желтого и красного цветов — типично постмодернистская практика «означающего без означаемого».

Применительно к постмодернистским информационным и художественно-культурным сетям можно выделить даже некий «императив горизонтальности»: «символические структуры типа «высшее/низшее» заведомо кодированы как скомпрометировавшие себя, как не работающие; апелляция к ним расценивается, как дурной вкус и обречена на поражение». Таков ныне глобальный художественно-политический перформанс. Эстетика политики в информационном обществе важнее политической экономии: первая управляет второй.

Задумываясь о будущем такого культурного строя, можно предположить, в ближайшие десятилетия возможно наступление жесткого «сетевого тоталитаризма», то есть, нового мирового порядка, построенного на всеобщей относительности горизонтальных «пустых мест» цивилизационного пространства. Старомодное «дурновкусие» различения ценностного верха/низа может быть окончательно заблокировано спекулятивными финансово-семиотическими играми, идеально встраивающими человека в игровую социально-компьютерную систему.

Глобальный Фауст получит в XXI веке своего Мефистофеля — но уже не вальжного господина, как в величественном сочинении Гете, а трансгуманистического киборга, в котором будет смоделирован люцифериянский выбор, сделанный либеральной элитой Запада. Антихристианская цивилизация вошла сегодня в гедонистическую фазу своей истории, предвещающую в обозримом будущем гностическую «культуру смерти», и последующий за ней суд.

На улицах чувствуется нечистое дыхание поколений, занятых в своей короткой жизни исключительно «флешмобами», обрекающими на гибель любую вертикальную социальную иерархию и дисциплину. Наука, искусствам и государствам — конец. Прощайте, классические филармонии и психологические театры. За гомофилами пой-

дут педофилы, за педофилами — зоофилы, потом ещё какие-нибудь «филы». И верховные суды признают их человеческие права. Последними пойдут людоеды, и съедят председателя верховного суда. Храмы будут сожжены (Собор Парижской Богоматери — не единственный пример), христиане, как в Риме, уйдут в катакомбы, а на бывших стадионах развернутся гладиаторские бои. Все кончится антропофагией и войной всех против всех — Достоевский и это предвидел.

Перед выбором

Что касается России, здесь ещё «бабушка надвое сказала». В отличие от Запада, в основном уже определившегося, и в отличие от Востока, которому в известном смысле не надо определяться (ритуал всегда равен себе), России как срединной цивилизации материка («хартленд»), сочетающей в себе динамику Европы и устойчивость Азии, постоянно приходится делать судьбоносный выбор между восхождением и нисхождением, между классикой, модерном и постмодерном. Россия ещё открыта для выбора Бога. Либералы у нас надеются, что траектория прогресса ведет мир от низших форм к высшим, чтобы однажды привести его в совершенное состояние — к «концу истории» по Фукуяме. Это как раз то состояние, когда преступление будет объявлено нормой, а норма — преступлением.

В отличие от них, теоретик консервативной революции А. Г. Дугин предлагает, наоборот: «запрячь в историческую работу» сам постмодерн, подобно тому, как древние богатыри заставляли пахать землю Змея Горыныча — принять вызов постмодерна, стремясь освоить его формальную структуру, с готовностью поместить в чудовищный язык глобализации радикально иное содержание, уходящее корнями в глубины премодерна, в Традицию. Это значит не просто отстаивать старое, но отстаивать Вечное.

Вряд ли такая стратегия имеет шансы на успех в постхристианском контексте, но в России она имеет шанс по мере её включенности в сохранившееся наследие православия, отвергающего как хилиастический оптимизм (утопическую веру в прогресс), так и устрашающую трансгуманистическую эсхатологию. История предстает противоречивой борьбой двух неравных, но огромных могуществ. Её финальный смысл лежит за пределами мира сего, и во всей полноте откроется только после его конца. Прав ита-льянский мыслитель Джорджо Манганелли, когда устами одного из своих персонажей говорит, что мы не замечаем,

что конец света уже наступил, поскольку сам конец «порождает некоторое время, в котором мы пребываем, и это время исключает для нас опыт конца».

Перед современным человечеством стоит выбор: либо оно, азартно «заигравшись» с виртуальным, окончательно разлучит себя с космосом (точнее, с Богом — АК) и устремится к самоликвидации, либо на новом витке вернется к великой традиции, а вместе с нею — к реальному миру и к реальной ответственности перед ним» (А. С. Панарин). В России пока есть возможность это сделать. Надо только ясно сознавать, что это будет именно НАШ ВЫБОР, а не какая-либо необходимость, навязанная людям извне — чем-нибудь вроде «чипизации», «зеленых человечков» или гостями с Марса.

Значительная часть люцифериянской элиты — научной, художественной, философской — посвятила сегодня свой талант самоликвидации человека, и давно справилась бы с ним, если бы это зависело только от неё. Однако, как писал тот же А. С. Панарин, история — слишком серьезное дело, чтобы доверять её только человеку. Своеобразие отечественной цивилизации проявляется в состоятельности, конкуренции и даже борьбе между собой указанных установок творческого и нигилистического сознания, в то время как в современной Америке и Европе, например, они — во всяком случае, до 2020 года — коммерчески (путем символического обмена) сосуществовали.

Не исключено, что коронованный вирус послан нам, чтобы не дать возможности глобализму (читай — пошлейшему американизму) подмять под себя остальной мир, заменив его пестротой национальных консерватизмов. Россия, по всей вероятности, найдет место в новом многополярном (послевоенном) мире, особенно если Китай, Индия и Ислам помогут ей в этом. Не исключено также, что Господь своей всемогущей волей закроет (возможно, на время) для части деградировавшего человечества дальнейшие пути познания твари, что не дать ему с помощью новейших технологий (ИИ) превратиться в грешного Бога, то есть поддаться все-таки древнему адемову искусу. Может, поэтому дети уже книг почти не читают, а смотрят мультики?

Впрочем, скоро мы это узнаем.

Александр Казин, доктор философских наук, профессор, научный руководитель Российского института истории искусств

ДАВАЙТЕ ГОВОРИТЬ И ПИСАТЬ ГРАМОТНО!

Марина Шишкина: «Язык — маркер “своего”, который невозможно подделать»

ловеком она была в повседневности, вне университетских трибун?

Вы знаете, великие люди действительно состоят из деталей — простых, ясных и невероятно трепетных. Для меня Людмила Алексеевна — это человек, без которого не случился бы мой «журфак», главное дело моей жизни. Если бы не её поддержка, я никогда не стала бы деканом, не защитила бы докторскую, не открыла бы новые специальности. Она была рядом в самые интимные, важные моменты: когда родился мой сын, она узнала об этом одной из первых и поддержала мою новую семью, мой новый дом.

Почетный гражданин города, она могла искренне радоваться простым вещам: невероятно любила пиво и селедку, могла от души, громко смеяться над анекдотами. Она была Женщиной с большой буквы, ухоженной и нарядной. Я на всю жизнь запомнила запах её духов.

И при всем этом — феноменальная жертвенность ради дела. К университету она относилась как к родному ребенку — по-матерински беззаветно. Она не могла представить себя вне его стен. Теперь я знаю, что детей надо отпускать вовремя, дать им жить своей жизнью. Но не нам судить, что в такой момент чувствуют другие люди. Главное — её бесконечная готовность помогать всем: когда речь шла о здоровье, детях или деньгах, она никогда не раздумывала.

У нас с ней всё складывалось непросто. Но сейчас, оглядываясь назад, я понимаю: если бы мы сегодня сели за один стол, говорили бы только о хорошем. О том, как строили Университет, как придумывали сумасшедшие проекты, о любимых людях.

Именно при Вербицкой город «заговорил». Помните ли вы появления акции «Давайте говорить как петербуржцы»? Плакаты в метро и на остановках пассажирского транспорта с ударениями в словах «звонит» и «творог» тогда произвели эффект разорвавшейся бомбы.

Это был 2011 год, когда рекламный шум в метро стал невыносимым. И вдруг среди объявлений о покупке волос и рекламе сомнительных услуг появились эти лаконичные, строгие постеры. Это была и просветительская акция, и манифестация петербургского стиля.

Вербицкая хотела вывести лингвистическую норму из герметичного академического пространства в повседневность. Петербуржец определяется не пропиской, а интонацией и грамотностью. Людмила Алексеевна понимала: если человека нельзя заставить читать словари, нужно сделать словарь частью его ежедневного маршрута. Такая мягкая сила филологии. Полагаю, это был идеальный пример социальной рекламы, если хотите, социальной инженерии через медиа. Так плакаты стали своего рода культурным фильтром, отделяющим петербургское пространство от любого другого. И еще акция показала: норма — это не скучно, норма — признак принадлежности к определенной культуре.

Тема «чистоты рядов» касалась не только горожан. Людмила Алексеевна выпустила специальный справочник для чиновников и депутатов из 800 слов. Вы, будучи и в той, и в другой роли, как оцениваете его судьбу? Он стал настольной книгой или остался красивым сувениром?

Справочник «Давайте говорить правильно» (и его специальные выпуски для госслужащих) был попыткой привить «речевой этикет» власти. Людмила Алексеевна видела, что язык политики становится либо бюрократически мертвым, либо вульгарным. Она предлагала конкретный инструментарий: как не «осваивать средства», а «исполнять бюджет», как избежать канцеляризма, которые убивают смысл.

Судьба у него двоякая. В кабинетах многих руководителей я его замечала на видном месте. Но, будучи честны, чтение словаря не гарантирует чистоту речи, если нет такой внут-

ренней потребности. Понятно, что язык не только передает мысли, но и формирует их. Если политик говорит «реализованные мероприятия», он и мыслить начинает категориями отчетов, а не живых дел.

Справочник стал эталоном, золотым стандартом. Его использовали для подготовки официальных выступлений, он стал базой для многих лингвистических экспертиз. Но системного внедрения «экзамена на грамотность» для чиновников на его основе так и не произошло. Мы всё еще боремся с «данными вопросами» и «крайними заседаниями».

14 июня 2012 года на заседании совета по культуре при губернаторе Вербицкая предложила революционную вещь: создать курсы русского языка для депутатов и чиновников и включить в бюджет города раздел «речевая культура» наравне с физкультурой. Прошло 14 лет. Удалось ли легализовать «культуру слова» в бюджетных строках?

Это была красивая метафора — приравнять гигиену речи к физической культуре. Если мы заботимся о теле, почему мы позволяем своей речи быть «дряблой и больной»? Людмила Алексеевна считала, что если город тратит миллионы на стадионы, то он обязан тратить средства и на поддержание языковой среды.

Если говорить прямо, отдельной строки в бюджете «Речевая культура» так и не появилось. Бюрократическая машина устроена так: проще выделить деньги на ремонт стадиона, чем на «эфемерные», как кому-то может показаться, курсы риторики. Однако идеи Вербицкой не ушли в песок. Они трансформировались в государственные программы по сохранению русского языка, в гранты для просветительских проектов.

Что касается курсов для депутатов и чиновников, они существуют, но носят факультативный характер. Людмила Алексеевна хотела, чтобы грамотность была таким же обяза-

тельным навыком для госслужащего, как знание законов. Но системное обучение, о котором она мечтала, создать не удалось.

Правда, сейчас мы видим, что запрос на качественную речь возвращается, но уже через общественное давление. Сегодня политик, допускающий грубые ошибки, моментально становится объектом насмешек в соцсетях. Это новая форма контроля, возможно, даже более жесткая, чем курсы в Смольном.

Если говорить о дне сегодняшнем: Петербург по-прежнему держит марку «лингвистической столицы»? Что делается для повышения грамотности горожан сейчас, когда Людмилы Алексеевны нет с нами?

Мы стараемся сохранять инерцию просвещения, заданную Вербицкой. Петербург остается штабом «Тотального диктанта» — акции, которая превратила грамотность в модный тренд.

Сейчас акцент сместился в цифровую среду. Посмотрите, сколько в Петербурге создается качественных подкастов о языке, сколько библиотек превратилось в современные медиацентры, где проходят лекции лучших лингвистов.

Но главное — сохранение атмосферы. В Петербурге грамотность по-прежнему воспринимается как социальный лифт. Мы стараемся поддерживать это ощущение: если ты говоришь правильно, тогда ты «свой». Но стоит сделать так, чтобы потребность говорить точно и ясно была не навязанной обязанностью, а естественной чертой каждого, кто живет в нашем городе. Убеждена, что никаким законом и никакой строчкой в бюджете любовь к языку не привить. Нам важно слышать паузы, ценить вес слова и помнить, что за каждой фразой стоит личность. Как стояла за ней Людмила Алексеевна Вербицкая.

*Беседу вел
Владимир Васильев*

Восемнадцатого апреля 2026 года по всему миру прошел Тотальный диктант, просветительская акция по проверке грамотности. В проекте приняло участие 2 914 288 человек. Очные площадки работали в России и 72 странах. Тотальный диктант написали на шести континентах, в том числе на четырех арктических станциях. В очном формате к акции присоединились 140 тысяч человек в России и за рубежом. В России площадки акции были организованы в 1055 населенных пунктах.

Пятого мая 2026 года в Белом зале Санкт-Петербургского политехниче-

ского университета состоялась торжественная церемония награждения отличников тотального диктанта — 2026. В этом году пятерку получили 2508 участников — почти вчетверо больше, чем в 2025 году.

В Санкт-Петербурге Тотальный диктант проходит с 2012 года. В 2026 году его написали 8899 человек. Ныне Петербург занял второе место в мировом рейтинге по количеству участников акции после Казани.

«Тотальный диктант» — ежегодная просветительская акция, направлен-

ная на повышение интереса к русскому языку и грамотности. Участники оценивают уровень знаний, выявляют слабые места и работают над их устранением. После диктанта филологи разбирают ошибки, объясняют сложные моменты и помогают систематизировать знания.

22 года живет проект «Тотальный диктант». Растет количество участников. Но, по мнению директора фонда «Тотальный диктант», руководителя проекта Вячеслава Белякова, диктант пишет приблизительно 1 процент россиян, и уровень грамот-

ности за последние 20 лет существенно не менялся. Хотя, кто участвует в диктанте несколько раз, становится грамотнее, и лучше справляется с заданиями. Среди тех, кто пишет диктант пятых, шестой год подряд, отличников набирается около 50 процентов.

Сегодня руководители проекта уже говорят о новой грамотности, которая включает набор навыков, а не только умение писать. Это и цифровой этикет, и навыки коммуникации, и способность переключать регистры повествования.

Но есть и другие способы повышения грамотности. В 2024 году редакцией газеты Санкт-Петербургские Ведомости выпущен сборник «Приемы хорошего текста». В СПб отделении Союза писателей России в секции художественно-документальной прозы проходят уроки грамотного письма. В Книжной Лавке писателей работает Школа литературного мастерства.

Редакция газеты приглашает к разговору о грамотности своих читателей и надеется, что с их помощью будут найдены новые возможности в этом нужном деле.

БЫТЬ ГРАМОТНЫМ СЕГОДНЯ ПРЕСТИЖНО!

Доверимся сердцу!

Прогуливаясь по сайтам всевозможного интернета, я обнаружила много информации о творческой и общественной деятельности члена Союза писателей России Евгения Всеволодовича Макарова. Не буду перечислять звания и регалии моего давнего друга. Любознательные читатели сами прочтут о том, как в начале перестройки Мартын-Балалай Питерский (поэтический псевдоним Евгения Макарова) удивлял публику смелыми гражданскими и авангардными стихами на проспектах и площадях Питера, о чём свидетельствуют и документальные кадры из фильмов Юрия Мамина «Праздник Нептуна» и «Фонтан».

Встреча в литстудии «Театр Живого Слова»

Поэт громкогласно бросал в толпу свои афористичные строки: «Но нет нам покаяния, пока я — не я, пока ты — не я, пока я — не ты, — нет понятых, но есть понятия...» или простецкое — «Жигулёвское пиво по утру идёт легко!...»

Наше общение с Евгением началось так давно, что оба не помним точной даты, когда в конце прошлого века мы познакомились на одной из поэтических тусовок в коммуналке уже давно покинувшего нас замечательного поэта и писателя Яна Майзельса. Писатель и публицист давно обосновался в США, но его труд «Формула Бога» с дарственной надписью до сих пор моя настольная книга.

С Евгением мы часто пересекались и в «Рубцовском Центре, лито «Балтийский парус» Союза писателей России на Васильевском острове, и в исторической «Бродячей Собаке». Он организовывал литературные встречи и в картинной галерее неподалёку от станции метро «Ломоносовская», и на многих других литературных площадках Санкт-Петербурга и его окрестностей.

А в 2005 году Евгений поделился со мной великолепной идеей: организовать музыкально-поэтический фестиваль в родном ЦПКИО на Елагинском острове, где он работал какое-

то время охранником, находящихся в загоне оленей, а также музыкального павильона. И в один прекрасный день небольшая группа поэтов и музыкантов собралась на открытой площадке Музыкального павильона с мраморными колоннами.

Исторический объект находился также под охраной Евгения. Я нашла несколько фотографий из того солнечного дня! На фото он танцует с Раисой Петровной Мечиташвили, а я им аккомпанирую на гитаре. Среди нас и Люда Новикова, и Сергей Сеткевич, и Саша Темников... Мы поочередно читали стихи и пели.

Гуляющие по набережной Средней Невки с любопытством останавливались и аплодировали. С этого весёлого действа и началось долгое успешное шествие по Елагину остро-ву музыкально-поэтического фести-валя «Елагин остров — Цветок в пет-лице Петербурга».

А в 2016 году Евгений Макаров в Доме писателей организовал музыкально — литературную студию «Театр живого слова и его друзей». Студия успешно развивается на протяжении многих лет. В 2020г им было организовано при Союзе писателей «Общество ревнителей русского языка».

Евгений одержим разработанной им же самим программой арттерапии, которая называется «Здравиетворение живым русским словом и звуком». Поэт убеждён, что правильно прочитанным и понятым словом можно излечивать разные недуги.

«Чтоб избежать невриты, впредь никогда не ври ты», — вот один из советов Мартына-Балалая.

Или в слове «запой» видно исцеление от этой распространённой болезни. Надо петь!

Можно скептически относиться к его методам терапии, но я видела, с каким неподдельным интересом вос-

принимают слушатели его шокирующие «препарирования» того или иного слова.

В одной из своих публицистических работ Евгений пишет: «Доверимся своему сердцу, и оно сможет помочь нам стать смиреннее. А чем смиреннее мы будем, тем яснее услышим речевое русское слово и восхитимся тем, что поймём — оно живое...и имеет удивительное свойство быть берегом его носителей»

Евгений Всеволодович является бессменным Президентом Международного поэтического и образовательного проекта-фестиваля «Poet Fest», который он организовал вместе со своей дочерью Кашафутдиновой Надеждой Евгеньевной. Этому проекту больше 10 лет, однако он уже привлёк внимание поэтической братии не только в Санкт-Петербурге, но и далеко за его пределами став международным.

Верится с трудом, но факт остаётся фактом: Евгению Всеволодовичу 17 июня 2025 года исполнилось 80 лет! Мой друг и единомышленник! Пребывай в добром здравии и любви! И, конечно же, продолжай творить на благо нашей России!

*Людмила Гарни,
член Союза писателей России*

Знать и беречь богатство языка

Сезон 2025–2026 годов стал для литстудии «Театра Живого Слова» Евгения Макарова временем ярких творческих экспериментов и социально значимых проектов. В центре внимания коллектива оказались ключевые темы: экологий, защита русского языка и международное сотрудничество.

Было проведено несколько встреч, которые привлекли внимание к проблемам окружающей среды через искусство слова. Прошла встреча с чтением экологических миниатюр и сезонных стихов. С гостями студии встретился поэт, главный редактор газеты «Общество и Экология» Сергей Анатольевич Лисовский.

Литстудия представил образовательную программу для школьников и библиотек «Слово в защиту природы». Прошли мастер-классы по выразительному чтению стихов для школьников 7–8 классов. Учащиеся были приглашены в библиотеку филиала № 10 Калининского района. Встречу организовала и провела сотрудник библиотеки Ольга Озерова.

Впервые мы стали участниками проекта «Эко-Инженер». Литстудия «Театр живого слова» принял приглашение в народную инициативу от инженера и концептолога Кото, и он представил новую поэтическую программу по развитию экологической культуры и воспитанию.

Однако главным в этом сезоне, как и в предыдущие годы, для нас стала просветительская деятельность, направленная на популяризацию богатства и выразительности русского языка.

Независимый лингвист Илья Барский поэт и психолог Евгений Макаров организовали круглый стол и провели встречу «Разговор о роли духовных ценностей и смыслов». Они же организовали встречу активистов «Общества ревнителей русского языка».

Галина Николаевна Родионова — Кулаченко — преподаватель сценической речи и риторики Института Культуры, член Комиссии при Комитете культуре Петербурга провела серию встреч. Она поделилась знаниями и дала экспертную оценку способностей всем участникам мастер-класса.

Интересной и полезной была программа Натальи Павловны Андреевой «Искусство поэтической речи». Большое значение она придавала развитию речевых навыков, без которых не может состояться ни одно выступление поэтов.

В минувшем сезоне литстудия «Театр Живого Слова» Евгения Макарова провёл цикл встреч с интересными людьми. О фотопоззии говорили с Андреем Локиевым. Встречались с сибирским поэтом Иваном Шитовым и руководителем академии «Сверхкартина» Вячеславом Чеботарем, а так же с руководителем Санкт — Петербургского театра Сновидений Ольгой Григорьевной Чернявской.

Важным событием сезона стала совместная работа с преподавателем кафедры театроведения Российского государственного университета им. А. И. Герцена Натальей Павловной Андреевой и представителями Китая.

Руководитель литстудии поэт и психолог Евгений Макаров беседует с китайскими студентками об особенностях русского языка

Это творческая встреча «Диалог культур», собравшая исследователей, студентов и любителей культурологи, заинтересованных в изучении взаимодействия России и Китая. Наталья Павловна Андреева рассказала об истории культурных отношений между двумя странами.

Совместный проект «Культурный мост» собрал русских и китайцев в единой программе. Они

выступали поочередно на двух языках. Продолжение проекта, по предложению гостей, ожидается в следующем сезоне.

За минувший год литстудия «Театр Живого Слова» Евгения Макарова провёл восемь встреч в Доме писателя. Особое место занимает яркое выступление на юбилейной встрече в Книжной Лавке писателей известного автора книг о славянстве вице-президента Петровской Академии Наук и Искусств, известного поэта и писателя Андрея Витальевича Антонова.

Дополнительно литстудия «Театр Живого Слова» участвовала в нескольких авторских мероприятиях: выступления при содействии культурно-досугового центра «Ленинградский клуб «Мечта», в молодёжном поэтическом проекте «Непохожий прохожий», а также оказывала активное содействие в развитии Национального Поэтического Международного Конкурса ПоэтФест.

Наше общество «Ревнителей Русского Языка» в исследовательском разделе литературно-художественного журнала «Медный Всадник» опубликовало программную статью «О сущностных смыслах слов русского языка».

Проекты на темы экологии и защиты русского языка вызвали живой отклик у зрителей, а международный опыт открыл новые перспективы для творческого развития коллектива.

Надежда Кашафутдинова

Как в блокаду спасали памятники Ленинграда

Задача для архитекторов по укрытию и маскировке архитектурных памятников города во время блокады Ленинграда стала вызовом, аналогов которому мировая практика не знала.

В середине декабря Председатель Ленгорисполкома Пётр Сергеевич Попков пригласит в Смольный главного архитектора города Николая Варфоломеевича Баранова.

«Я знаю, что зеленые массивы садов и парков Ленинграду необходимы, но надо отапливать госпитали, больницы, детские учреждения, хлебозаводы, — произнесет Попков — Для спасения жизни, очевидно, нужно пойти на некоторые жертвы...»

Баранову было поручено немедленно подготовить перечень подлежащих вырубке парков.

В его дневнике сохранилась запись, датированная тем днем: «Я почувствовал, как у меня страшно забилось сердце. Разумеется, топливо необходимо, но ценой гибели парков и садов? Выйдя из Смольного, я напряженно думал, как найти выход. Но, как назло, в голову ничего толкового не приходило. Недавно закончился обстрел, и где-то на юге небо подпирал огромный, медленно поворачивающийся длинный столб. И тут меня осенило!»

Архитектор предложил для обеспечения города дровами: разобрать деревянные постройки в парках: аттракционы, павильоны, трибуны и часть деревянных домов на окраинах. За два дня его сотрудники составили перечень объектов. Сделанный ими расчёт подтвердил, что разборка этих построек обеспечит в два раза большее количество дров. В списке снесённых сооружений оказался и деревянный стадион имени Ленина, который после войны Баранов проектирует в камне.

Все военные годы истощенные школьники-юннаты будут залечивать раны от осколков снарядов на вязах и дубах Летнего сада, а один из поэтов блокадного Ленинграда Юрий Воронов напишет:

Деревья остаются подтверждением, Что, как Россия, вечен Ленинград! Им над Невой шуметь и красоваться, Шагая к людям будущих годов.

По данным комиссии по установлению ущерба от блокады Ленинграда за 872 дня на Ленинград было сброшено 107 тысяч авиабомб и выпущено свыше 150-ти тысяч артиллерийских снарядов. По личному распоряжению Гитлера для уничтожения города на Неве со всей Европы были собраны наиболее мощные артиллерийские орудия, сверхтяжелые мортиры и железнодорожные пушки германского, французского и чехословацкого производства.

Среди них была доставленная шестьдесятю локомотивами самая мощная в мире железнодорожная пушка «Дора», стрелявшая снарядами массой более шести тонн и 124-тонная самоходная мортира «Карл», предназначенная для использования боеприпасов весом почти в полторы тонны. С севера город обстреливали 180-мм железнодорожные орудия финнов, поспешивших загодя «переименовать» Ленинград в Неваллинну.

Спустя две недели после снятия блокады город посетит первая группа иностранных корреспондентов и репортер журнала «Тайм» Ричард Лаутербах написал: «Осматривая вместе с Барановым достопримечательности Ленинграда, трудно было представить себе, что их бомбили. Ленинград выглядел, относительно, нетронутым... он выглядел гораздо лучше, чем Сталинград, Харьков, Смоленск, Севастополь или Одесса».

С началом войны из Ленинграда вглубь страны были эвакуированы почти все архитектурно-проектные институты. В блокадном городе остались лишь три сотни архитекторов, которые под руководством Николая Баранова

вошли в состав Архитектурно-планировочного управления Ленсовета.

Их работа по маскировке памятников архитектуры стала примером, что труд архитектора, способен стать гражданским подвигом и выйти далеко за рамки устоявшегося понимания этой профессии, превращая зодчего в героического защитника национального культурного кода.

На третий день с начала войны секретарь Ленинградского горкома ВКП(б) Алексей Кузнецов вызвал Баранова: «Вам поручается срочно разработать и осуществить проект маскировки Смольного с таким расчётом, чтобы немецкие лётчики во время налётов не видели здания и не могли бомбить прицельно...»

Архитектор сразу осознавал всю сложность поставленной задачи: здание расположено вблизи излучины Невы, неподалёку находится высокий Смольный собор. Казалось, эти ориентиры укрыть невозможно. Баранов нашёл единственно верное решение: воспользоваться окружающим парком и скрыть здание под искусственным покровом, имитирующим высокие кроны деревьев. Ленинградские учёные-ботаники разработали технологию консервирования срезанной растительности, благодаря которой ветви, кусты месяцами сохраняли естественный вид.

В книге «Силуэты Блокады» Николай Варфоломеевич вспоминал: «Так укрытие Смольного стало началом громадной работы — технической маскировки важных промышленных, транспортных, складских и гражданских объектов Ленинграда. Через несколько дней мне было поручено руководство специальной службой технической маскировки Ленинграда, которая велась на протяжении всех долгих месяцев блокады».

По мнению заместителя директора Музея городской скульптуры Санкт-Петербурга Надежды Ефремовой укрытие памятников во время Блокады было вызовом, аналогов которому мировая практика не знала.

В «Силуэтах Блокады» Баранов писал: «Тогда мы ещё не знали о варварстве фашистов, в том числе к культурным ценностям, но что величайшие памятники архитектуры, не имеющие военного значения, такие как Адмиралтейство, Эрмитаж, Исаакиевский собор, Русский музей, приго-

родные дворцы и парки, могут оказаться объектами бомбёжек, предполагали. Трудно вообразить Дворцовую площадь без Александровского столпа или Сенатскую площадь без Медного всадника, поэтому делали всё возможное, чтобы спасти их».

Работа началась с маскировки шпиля Адмиралтейства. За одну ночь был сшит громадный чехол, весом полтонны, но, чтобы натянуть его на шпиль, требовалось на верхней точке иглы укрепить блок противовеса. Лишь на 15-й день удалось с аэростата забросить петлю с тросом на шпиль. После чего ленинградские спортсмены-альпинисты, используя этот трос, укрыли Адмиралтейскую иглу и корабль на ней.

Баранов напишет об этом так: «Дерзкий по своей вызывающей смелости, получивший мировую известность ремонт повреждённого ангела, венчающего шпиль Петропавловского собора, произведённый в 1830 году Петром Телушкиным, побледнел перед маскировочными работами, произведёнными полуголодными альпинистами осаждённого Ленинграда».

Позже будут укрыты и многие другие позолоченные шпили и купола. Известный ленинградский химик Петр Яковлевич Сальдау разработает специальный состав, позволивший сохранить позолоту куполов, спрятав ее под слоем серой краски, лишив нацистских летчиков ориентиров. Памятники Суворову на Марсовом поле, Кутузову и Барклаю-де-Толли у Казанского собора и матросам миноносца «Стерегущий» в парке на Кировском проспекте оставили открытыми. Случайно или нет, но всю блокаду эти монументы оставались вместе с ленинградцами на боевом посту, символизируя собой ратную славу их великих предков.

Архитекторы укрывали монументы несколькими рядами

мешков с песком, деревянными щитами и фанерой и маскировали под неприметные объекты. Метростроевцы поставили кембрийскую глину для их дополнительной защиты, а бронзовые кони с Аничкова моста и скульптуры Летнего сада были зарыты в землю. В 1942 году, в священном статую «Ночь» из Летнего сада, стихотворении Анна Ахматова описет общее чувство, которое испытывали спасающие шедевры своего города ленинградцы:

*Ноченька!
В звездном покрывале,
В траурных маках, с бессонной
совой.
Доченька!
Как мы тебя укрывали
Свежей садовой землей...*

Маскировались от врага и важные хозяйственные объекты. К примеру, для защиты нефтебазы «Ручьи» в районе Пискаревского проспекта создали иллюзию городского квартала. При помощи металлических каркасов, листового железа и мастерской росписи несколько цистерн превращались в жилой дом. Для полной достоверности между «домами» пролегли дорожки и «росли» деревья, которые по мере увядания приходилось заменять. Целью для бомбометания «Люфтваффе» всякий раз становился очередной введенный поблизости муляж цистерн. Сейчас эта база, увы, вновь стала мишенью нацистов — украинских ударных БПЛА...

Одновременно с проектированием укрытий, архитекторы приступили, зачастую под бомбежками и артиллерийским огнем, к натурным обмерам и зарисовке фасадов всех имеющих архитектурную ценность зданий. Уже в блокаде выяснилось, что десятки ценнейших памятников архитектуры не имеют обмерных чертежей, необходимых в случае восстановления. Среди них Инженерный замок, Таврический и Юсуповский дворцы, собор Александров-

Невской лавры, здания Сената и Синода.

Работой руководил известный русский и советский архитектор, автор генерального плана развития Ленинграда 1935-го года, отказавшийся от эвакуации Лев Александрович Ильин. Он писал: «Все памятники, укрытые в земле, были перед этим обмерены, сфотографированы, зафиксировано их местоположение относительно соседних зданий — чтобы, если их повредят, восстановить и установить на прежнем месте». В декабре 1942-го года зарисовывая фасад здания на Невском проспекте, профессор Ильин погиб при артиллерийском обстреле.

После снятия блокады, в конце мая 1944 года, командующий Ленинградским фронтом маршал Л. А. Говоров признается Баранову: «Я пришел к убеждению, что на вооружении наших войск, наряду с артиллерией, танками и авиацией, была архитектура Ленинграда. Бойцы, независимо от того, откуда они были родом, не могли допустить и мысли, что фашисты могут ворваться на наши чудесные проспекты и площади».

Благодаря этому общему чувству и общему подвигу, по инициативе ленинградских архитекторов, именно во время блокады улицам и площадям города на Неве были возвращены исторические названия: Литейный, Владимирский, Адмиралтейский проспекты, Казанская и Измайловская площади, Адмиралтейская набережная, Таврическая улица...

В октябре 1943-го года Николай Баранов направил на имя первого секретаря Ленинградского обкома А. А. Жданова докладную записку с предложением вернуть исторические названия 20 городским объектам: «История 240-летнего развития Ленинграда и его прекрасный архитектурный облик ярко отражают многочисленные волнующие страницы истории России. Это нашло своё яркое отражение и в наименовании улиц, проспектов, площадей и набережных, т. к. эти наименования весьма характерны для Ленинграда и присущи только нашему городу».

Жданов отнесся к предложению скептически, однако, доложил Сталину, который инициативу полностью поддержал.

**Дмитрий Федоров,
эксперт-аналитик Фонда
исторической перспективы**

«Малые святцы»

Отрывок из одноименного романа Василия Аксенова

...Когда я встал, у мамы был уже и чай заварен, пить собиралась с сухарями.

— Я уж будить тебя хотела. Чё-то вы сёдни оба разоспались... Погода морит разве, это может... И к тому, к другому подходила. Подступлю, гляну, нет, вижу, лежат как мёртвые, ну, думаю, в такой мороз чё делать-то, дак и пускай поспят, мол, — говорит мама. — Ты слышал, Эрн-то была? Уж и сидела да сидела... Не выдержу, боялась. Голова, думала, расколется.

— Слышал, — говорю. — А как она молоко донесёт?.. Банка же лопнет.

— Донесёт... Она его в куфайку завернула. Тут ей дойти... Как там ребёнок-то без молока... А чё рассказывала, слышал?

— Да что-то слышал вроде, но не помню...

— Да-а, — говорит мама, приподнимая крышку и сбрасывая с доски в парящую кастрюлю мелко нарезанный лук. — Вчера нашей Татьяне, Царство ей Небесное, исполнилось бы восемьдесят семь. Была с десятого.

...Умерла Татьяна Дмитриевна Вторых, до замужества Русакова, родная мамина сестра, а моя тётка, два года назад. На похороны я не смог тогда приехать — не набрал денег — билет на самолёт теперь досюда — до Луны как будто — стоит.

Было их, Русаковых, одиннадцать человек детей одних только, Дмитриевичей. Пять братьев и шесть сестёр. Три брата — Яков, Василий и Сергей, призванные в сорок втором году из Исленьского Заполярья, куда были высланы во время расказивания и коллективизации, — погибли на фронте. Иван отвоевал, вернулся полным Кавалером ордена Славы. Был на фронте разведчиком, ходил к немцам в тыл, добыл, как он говорил, восемнадцать языков

и среди них трёх немецких офицеров. Одного из *фрицев*, рассказывал дядя Ваня, прямо на нём, когда нёс он его, связанного и *оглошенного*, на загорбке к своим, сами же немцы, вслед в темноте *паля напропалую*, и застрелили. «Так вот немец, а я с ним, с паразитом, столько воевал до этого, жизнь мне и спас, племянничек», — говорил мне дядя Ваня. Пришёл он с фронта домой двадцатидвухлетним паренёком — мальчишкой. В сорок шестом году, на день Победы, отправился в Елисейске на рынок купить чего-нибудь на закусь. К прилавку подступил, стал квашеную капусту на вкус, было пробовать, а стоящая рядом дамочка в норковой шубке и в белых бурках и говорит ему: «Грязными лапами не лезь бы, остолопина». А дядя Ваня, тот и так, по природе своей, был вспыльчивый, да ещё и с *синдромом послевоенным*, о котором никто тогда не говорил, конечно, и не слыхивал, *ладошкой* ей и дал *пошшочину*. Упала дамочка в лужицу и завизжала, *ручками-ножками*, как раненый мизирь, *задержала*. Прибежал милиционер, и, лишённый всех наград, поехал дядя Ваня вскоре против своего желания на Дальний Восток, где и провёл целых четыре года: дамочка эта оказалась женой исленьского *анкавдиста*. *Отбрыкал* свой срок, возвратился домой дядя Ваня, женился и нажил тоже, как и его *тятенька*, одиннадцать детей, всех я лично и не знаю. В восемьдесят пятом году, на сорокалетие Победы, вызвали его вдруг в военкомат. Собрал дядя Ваня *котомку*, обулся в новые кирзовые сапоги, в новые телогрейку да шапку-ушанку и отправился из своей деревеньки Сотниковой в Елисейск — решил, что для защиты Родины он опять понадобился. В военкомат явился, доложил. А военком выстроил всех служащих военкомата, сказал короткую торжественную речь по поводу праздника, а после и добавил: вам, мол, Иван Дмитриевич, возвращаются все ваши, честно и отважно заслуженные, ордена и медали — а там их столько — целый ворох. Смотрел, смотрел дядя Ваня то на награды, то на военкома, а потом взял в горсть сколько-то медалей и швырнул ими в военкома. Сказал: «Вспомнили, мать вашу... когда я одиннадцать человек детей на ноги почти поставил!.. Железяками задобрить захотели!» — развернулся резко и ушёл.

Матрёна Дмитриевна — самая старшая, которую за рассудительность и возраст все наши многочисленные родственники называли Патриархом, ей и отец мой шибко не перечил, хотя горазд был, редко кому спускал он в разговоре, мало кто для него является непререкаемым авторитетом. Это теперь уж...

Умер он четыре года назад так.

Осень. Бабье лето. Дети его копают в огороде картошку. А дядя Ваня сидит на срубе начатого ими нового дома. В старом-то они теснились шибко. Сидел, сидел и подзывает вдруг к себе двух своих старших сыновей, Николая и Павлика. Подошли те. Поднялся дядя Ваня на ноги. Говорит: «Не жить мне, дети, в этом доме». Сыновья ему: да ты что, отец, мол, не выдумывай — ну что тут скажешь. Положил дядя Ваня руки им, сыновьям своим, на плечи, вскинул голову в ясное, безоблачное небо, ска-

зал: «Братья мои, я умираю, Господи, прими мою душу грешную», — и помер, дух испустил, не обманул.

Пётр Дмитриевич, самый младший из детей *Димитрия Истихорыча*, и сейчас ещё, слава Богу, жив. Не воевал он — годами к той поре ещё не вышел. Охотник профессиональный, пчеловод хороший. С дядей Ваней они как-то, рассказывали мне родственники, нашли зимой берлогу медведя. Без собак были. Парок из берлоги исходит. Разгрёб дядя Ваня лаз побольше, снял лыжи и ввалился с рёвом в берлогу. Медведь всего уже, пожалуй, ожидал, но не такого — вон из берлоги вылетел, в снегу увязнув. И дядя Петя застрелил его, из *двух стволов* пальнул, тут же. Не один стакан водки дядя Ваня перед этим, поди, выпил — так мне почему-то кажется. Убьют они, бывало, лося. Дядя Петя заберёт свою долю, никого мясом не угостит. А у дяди Вани после вся деревяня гуляет и кормится, пока всё не съедят. Живёт Пётр Дмитриевич с женой теперь в Елисейске, детей они не имеют. Для себя живут, как говорят в Ялани. «Петя такой у нас, без мамы потому что вырос, при чужой женщине», — говорит про брата мама. «Клоун, — говорит про шурина мой отец. — Добавляет: — Каких и свет ещё не видел. Хоть с мамой вырос бы, хоть без неё».

Наталья Дмитриевна — самая старшая, которую за рассудительность и возраст все наши многочисленные родственники называли Патриархом, ей и отец мой шибко не перечил, хотя горазд был, редко кому спускал он в разговоре, мало кто для него является непререкаемым авторитетом. Это теперь уж...

Наталья Дмитриевна, не спавшая иногда месяцами, не знаю, почему, — но от бессонницы, как говорили, не страдала, заполняя её всяческой работой, — если и страдала, то никому на то не жаловалась.

Татьяна Дмитриевна — мастерица на все руки.

Елена — мать моя.

Полина Дмитриевна — кроткая, смиренная, как *глина*. Замужем была тётя Поля за пьяницей и дебоширом, Николаем Васильевичем Кузнецовым, зарезанным в драке ещё в пятидесятых годах. Его я и не помню. Приводил он к себе для выпивки дружок, жену свою, тогда ещё молодую, в такой же вот, как сегодня, мороз выгонял из дому на улицу, садил там на столб в одной ночной рубашке, возвращался домой и смотрел в окно с дружками на *кукушечку*. Отец мой колотил его не раз, *тряс*, но толку-то: горбатого могила лишь исправит. Исправила, нет ли? Тётю Полю сын её единственный, Николай Николаевич Кузнецов, *голимый батя*, забил до смерти, требуя у неё денег на опохмелку. Бог ему судья. И сам Коля, брат мой двоюродный, пьяный, утонул голодом позже в Ислени,

вывалившись из лодки. Нашли через неделю, похоронили. Никому никогда Полина Дмитриевна Кузнецова не жаловалась ни на мужа, ни на сына, ни на судьбу. В церковь ходила только ежедневно, за что её с работы даже увольняли, не останавливало её это: здесь, мол, уволили, ну, ладно, Бог без работы не оставит и куска хлеба не лишит.

И Анна Дмитриевна — родившаяся перед Иваном, младшая из сестёр, добрее которой человека не доводилось мне встречать; до восьми лет она не говорила, а после разом начала вдруг.

Живы из сестёр теперь только Елена и Анна.

Все они, тётушки мои, были, на удивление, спокойные, голоса, не слышал, чтобы повышали, если рассказывали что-то весёлое или смешное, сами улыбались только — не смеялись. Держались всегда достойно, благочинно, руками не размахивали, смятенно ничего не делали. Все они были довольно высокие и статные, кроме моей мамы, та ладная по фигуре, но небольшого роста, зато самая подвижная, не зря её сорокой в детстве называли, а за то, что всё везде видела, даже то, что видеть ей не следовало, — сорокими глазами. Волосы у всех сестёр были *богатые*, у Натальи — чёрные, у остальных — пшеничного цвета, разных оттенков. А особенной внешностью среди них, Дмитриевна, выделялась тётушка Татьяна. Но она, Татьяна, была и самая из сестёр *неустойчивая* в семейной жизни. И странным образом при этом. Мужики за ней *гурьбою* прямо бегали, даже дралась из-за неё, рассказывала мне об этом мама, и красавцы будто из красавцев, что неудивительно, так как до войны, судя по довоенным фотографиям, по сёлам нашим, по крайней мере в Ялани, было полно красивых, видных мужиков, на фронте после выбитых, но вышла она, Татьяна Дмитриевна, замуж сначала за чахоточного, сына ссыльного поляка, пожила с ним

года три, и умер тот от туберкулёза; нашла после ещё одного, дитём с родителями приехавшего из Белоруссии по Столыпинской реформе, Василия Милишкевича, тот хоть и не больной был вроде, но увечен: ещё мальчишкой, но уже в Сибири, попал в лапы медведю, помял медведь его, руку правую ему искусал, и та высохла, как плеть потом болталась, и тот, Милишкевич, в разлив весенний утонул в Кеми, с одной рукой не справился на стрелке; и уже в Игарке вышла она замуж за какого-то *служивого*, выехала с ним из Игарки, родила от него сына, но, сына забрав, покинула *служивого*, сошлась ещё с одним, с *партийным*, от которого родила второго сына, но и этого, *партийного*, второго сына взяв с собой, оставила, так и жила одна с двумя сыновьями, поселившись в Новой Мангазее, что от Ялани к югу километрах в стах. Оба эти мужика, видать, и *служивый* и *партийный*, попались неувечные и небольшие — для неё неподходящие. А ухаживал за ней, рассказывали, в молодости ладный паренёк, Степан Врацких, всем был, говорят, хорош, а потому, пожалуй, и не нашёл в Татьяне отклика сердечного. Ушёл Степан на фронт в сорок первом, а в сорок четвёртом году оторвало ему обе ноги под самый пах. В Сибирь, безногий, вернулся, до Бельска, где родился и до войны жил, не доехал, а загулял в Ялани у *товарищиша*: страшно ему домой таким было показываться, и не торопился. Узнала Татьяна об этом — слухи такие скоро разбегаются по округе, — взяла в колхозе лошадейку, запрягла её в телегу — осенью было это дело, — купила у кого-то там гармошку, кому она без невернувшегося хозяина-гармониста не нужна стала, на телегу гармошку, прикрыв её соломой, пристроила и направилась в Ялань. Вернулись они в Бельск через неделю вместе. Он — едет — играет на гармошке, она — едет — правит и поёт так, что *дуброва колется*. Так и жить стали, но не в Бельске, а в Новой Мангазее. Когда с ногами был он, Степан, не устраивал Татьяну Дмитриевну будто, как только ноги потерял, так вроде сразу и понадобился — пойми-ка женщину попробуй. Но вот, как начал Степан вскоре же после войны пить, так и по недавнюю пору — пока не помер, то есть *от водки* не *сгорел* — не переставал; набирался он до *потери пульса* и валялся потом где попало, то под чьим-нибудь забором, то в кювете, где *отключался*; находила, побегав по селу, его тётя Таня, грузила, бесчувственного, на тележку и увозила домой. Хоть и был Степан мастеровой, будто плотничал и столярничал неплохо, но ничего по дому у себя не делал, а в людях вот — тут уж пожалуйста, был безотказный. Тётка Татьяна сама и избу новую срубилась, и печку в этой избе сложила собственноручно, и одна на зиму напилывала лучком дров, и сена наставляла на корову в одиночку, и всё-таки Степана, *хозяина своего*, не бросала, хотя и детей от него не завела.

Глубина голубого неба

Алексей Иванович Травин — один из талантливейших мастеров — декораторов XIX века родился в Петербурге в 1801 году и происходил из низкого «податного сословия». Закончив в 1833 году Академию художеств, получив звание свободного художника, он за свою жизнь расписал более 200 плафонов, создал большое количество скульптур и барельефов. Травин разработал способ реставрации произведений старинной русской живописи. Жизнь его — яркий пример судьбы талантливого, трудолюбивого мастера, оставшегося безвестным.

Старые знакомцы

Падали робкие снежинки, застилая дорожку, ведущую через въездные ворота к Духовному корпусу Александровской Лавры. Они шли неторопливо, громко смеялись, не обращая внимания на испуганные взгляды монахов, попадавших на пути. Впереди их ждало скромное помещение, выделенное архимандриту Аввакуму, который передал жилище товарищу по Духовной академии архимандриту Порфирию Успенскому на время его пребывания в столице.

— Не вспомни я родную Кострому, а ты свое пребыванию в юности в городке Галиче в 1818 году, может быть, мы с тобой и не признали друг друга, — отсмеявшись, внимательно посмотрел на спутника осанистый священник.

— Нет, отец Порфирий! Ты, как только сказал, что по приезду в Галич, тебя стали обижать местные мальчишки, но вдруг нашелся храбрый защитник — проходивший мимо молодой человек, я сразу вспомнил художавого парня в рясе, пытавшегося подняться с пыльной площадки в окружении ребятни, — поправил архимандрита свободный художник Алексей Травин.

«Эй, хулиганье! А ну брысь отсюда», — раздался рядом не детский голос, и я почувствовал, как крепкие руки поднимают меня и прихлопывают к дереву, — неторопливо складывая слова, вспомнил Успенский.

Успенскому все не верилось, что нашелся мастер, тем более, оказавшийся старым знакомым, который взялся реставрировать древние иконы, привезенные им из третьего путешествия на Восток. Иконы, созданные византийскими мастерами и представлявшие большую ценность для истории археологии.

Нашелся Травин случайно. Порфирий Успенский пришел в гости к старинному другу протоиерею Сергия. Сергей показал икону Богоматери, очищенную от копоти так хорошо, что она походила на новую доску. На вопрос — кто чистил икону, протоиерей ответил — здешний художник Алексей Иванович Травин.

Алексей, посмотрев иконы, долго сомневался и ничего не обещал Порфирию Успенскому. Черные доски с едва видимыми непонятными изображениями пугали его. Это были энкаустические иконы абиссинского письма, писанные восковыми красками в самое отдаленное время. Травин знал, в далекой древности иконы создавались при сильном нагревании доски солнечным жаром и в накладке на нее красок по нарезным и нагретым очерткам.

Он взял пузырек с жидкостью и начал чистить руку Пресвятой Девы. Отец Порфирий стоял рядом не шелохнувшись. Рука долго не проявлялась и вдруг, где была копоть, побелела, а потом пропала. Архимандрит долго смотрел на нее грустным взглядом, а потом улыбнулся — рука Пресвятой Девы вновь возникла, будто только что была написана художником.

— Из монастыря святой Елены на Синае я вывез двадцать шесть икон. Вам еще не показывал образцы письма грузинского, нигерского. Возможно, потом при очистке они проявятся, — проговорил, будто сам с собой отец Порфирий.

— Надеюсь, после опытов с вашими иконами меня допустят к реставрации икон в Казанском соборе, — улучив момент, напомнил архимандриту о заветной мечте Алексея Травина.

В соборе находилось много икон подвергшихся порче при реставрации их людьми далекими от искусства. Надо было скорее изгонять их и брать работу на себя. Отец Порфирий

обещал поговорить с митрополитом Новгородским и Санкт-Петербургским Исидором. Однако Успенский настолько был поглощен мыслями о будущем своих икон, что не замечал настойчивых замечаний старого знакомого.

Через несколько дней икона Божьей Матери была очищена и передана вице — президенту Академии художеств князю Григорию Григорьевичу Гагарину. Ждали ответа они почти весь январь. И вдруг пришло извещение: «3 февраля 1864 года. Господину, назначенному академику Алексею Ивановичу Травину. Императорская Академия художеств уведомляет назначенного академика Алексея Ивановича Травина, что древняя икона Божьей Матери, очищенная от копоти и пыли по изобретенному им способу, была представлена через господина министра императорского двора на высочайшее воззрение государя императора, и его величество изволил способ этот найти вполне удовлетворительным...»

Алексей Иванович приехал в Александровскую Лавру, что бы порадовать отца Порфирия. И не преминул напомнить просьбу, ходатайствовать о назначении в Казанский собор на реставрацию икон.

— Будешь назначен, — уверенно сказал отец Порфирий и сразу перевел разговор на древние иконы. — В Казанском соборе всегда успеешь справиться упущения горе — мастеров современности. А очистка моих икон имеет большое значение для науки. Помнишь, как мы в 1818 году мечтали участвовать в великих делах? Вот оно и пришло — время наше! — он увидел, как кивнул Алексей и добавил: — То-то! Понимаешь!

Алексей Иванович понимал, но его больше трогали личные дела — сегодня утром в квартиру приходили требования долгу. И так продолжается не один год. Радость встречи с Успенским, когда Алексей

вознамерился поправить финансовое положение, угадал — архиепископ сам нуждался в помощи.

Равный среди великих мастеров

Вспомнились молодые годы, первые работы, получившие высокие оценки и мечты стать равным мастером среди великих художников.

В Троицком — Измайловском соборе, пострадавшем от наводнения 1824 года, наконец — то решили заняться внутренней отделкой. В 1832 году художники Академии художеств и, в первую очередь профессора, представили в Строительную комиссию эскизы будущих работ. Почетный и прибыльный заказ всколыхнул все ученое сообщество.

За неимением в столице мастеров, знавших технику альфреско — работы красками по сырой штукатурке, был приглашен из Ярославля крепостной художник Медведев с сыном Петром. Тимофей Медведев и пригласил Алексея Травина.

Для написания икон Василий Стасов позвал маститых художников: ректора Академии художеств Василия Шебуева, профессора Алексея Егорова, бывшего профессора Андрея Иванова (отца знаменитого художника Александра Иванова), академика Василия Сазонова и других. В течение лета и осени 1834 года шла работа в храме.

Накануне праздника Святой Троицы, 25 мая 1835 года, состоялось торжественное освящение собора. В седьмом часу вечера император Николай I с императрицей и цесаревичем осмотрели церковь. Николай Павлович остался недоволен иконами. Позже все узнали о его решении вернуть образа художникам, их написавшим и истребовать от них полученные задатки.

Николай I назвал довольно сносным образ Николая Чудотворца, написанный профессором Алексеем Егоровичем Егоровым, и хорошо отозвался о рисунках в куполах, где работал Алексей Травин.

Оценки императора повлияли на решение архитектора Андрея Алексеевича Михайлова при подборе художников для реконструкции дворца князя Николая Борисовича Юсупова. Он договорился с итальянскими мастерами Виги, Скотти,

Медичи и Торичелли. Нужен был русский художник — декоратор, не уступавший им в мастерстве.

За советом Михайлов обратился к ректору Академии художеств Василию Кузьмичу Шебуеву. и тот, не раздумывая назвал Травина:

— В его работе над плафоном на получение звания свободного художника в марте 1833 году, я увидел глубину пейзажа, объемность предметов, которые достигаются наложением нескольких слоев краски в такой последовательности и в такой плотности цветов, что невольно ощущаешь глубину картины, и чем ближе к центру, тем глубина бесконечнее.

Так Алексей Травин оказался в Юсуповском дворце вместе с именитыми итальянскими

реставрировал в Ораниенбауме Придворную церковь Святого Пантелеймона. За портрет маслом на холсте цесаревича Александра Николаевича, другие рисунки императорской семьи он получил благодарности и денежные вознаграждения.

В 1841 году Алексей Травин получил разрешение посещать скульптурный класс Академии художеств, а на следующий год был отмечен второй серебряной медалью за скульптурную фигуру «Икар».

Когда же, он в который уже раз обратился к вице — президенту Академии художеств, графу Толстому о рассмотрении его кандидатуры на присвоение звания академика, то получил обескураживающий ответ: — Вы свободный художник по живописи. Вот и представляйте нам живопись, а не скульптуру.

мастерами, приглашенными, как и он, для росписи плафонов. Ему был поручен плафон в Большой ротонде.

27 февраля 1837 года во дворце Юсуповых давали первый бал по случаю завершения переустройства здания. Именитые гости засыпали вопросами архитектора Михайлова. Их интересовали каждые детали, выполненные художниками. Больше всего они расспрашивали о работе над плафоном в Большой ротонде.

Царские милости

Слава, настигшая Травина во дворце Юсуповых, должна была подвигнуть художника продолжить восхождение к получению звания академика. Однако постоянные споры с руководством Академии художеств, а особенно с вице — президентом, графом Федором Петровичем Толстым, сделали его вечным кандидатом в академики.

Не помогла Травину и великая княгиня Елена Павловна. Алексей выполнил ее заказ —

Встреча с Порфирием Успенским, его заказ на реставрацию давал надежду не столько прославиться, сколько выбраться из нищеты. Но в феврале 1865 года отца Порфирия отзывают из столицы.

Затянувшийся на долгие годы спор о реставрационных работах в Казанском соборе между Академией художеств и духовенством завершился в 1866 году. Алексей Травин вместе с другими художниками получил право реконструировать образы в соборе.

Он успеет закончить икону Апостола в церкви Святой Великомученицы Екатерины. Очистит своим способом несколько образов в Казанском соборе. И умрет 12 апреля 1867 года.

Спустя 15 лет после смерти Травина, в ноябре 1882 года, по ведомости испрашиваемым пособиям из комнатной его величества суммы вдове художника Татьяне Травиной выдадут вспомоществование — 10 рублей.

Владимир Алексеев

Путешествие по питерской подземке

15 ноября 1955 года, началось движение по первой линии Ленинградского метрополитена. Поезда пошли от «Площади Восстания» до «Автово», но в течение почти полугода станцию «Пушкинская» они, как и нынешнюю «Театральную», проходили без остановки. Введённая в строй лишь 30 апреля 1956 года, она сегодня стала первой из шести станций подземки Северной столицы, названных в честь великих классиков отечественной литературы.

Станция «Пушкинская» совмещена с Витебским вокзалом, откуда 30 октября (11 ноября) 1837 года в пушкинское Царское Село и в Павловск отправился первый поезд, а в наши дни в город Пушкин уходят электрички.

В наземном вестибюле станции над эскалаторным тоннелем красуется барельеф поэта, а в подземном вестибюле установлен памятник А. С. Пушкину авторства Михаила Константиновича Аникушина. Александр Сергеевич сидит в раздумьях на фоне цветного панно, на котором легко узнать Большой пруд, Камеронова галерея и павильон «Грот» в Екатерининском парке Царского Села.

Ещё одну пушкинскую композицию работы того же ваятеля — «Пушкин перед дуэлью» — можно видеть на станции метро «Чёрная речка». Она открыта 4 ноября 1982 года примерно в километре от места смертельного поединка поэта 27 января (8 февраля) 1837 года.

1 сентября 1958 года распахнула двери станция «Чернышевская», на одноимённом проспекте, до 1923 года — Воскресенском. В верхнем вестибюле пассажиров встречает рельефный портрет писателя-бунтаря. Есть мнение, что стационный павильон ничто иное, как здание из чугуна и стекла, с каменными стенами и «окнами огромными, широкими, во всю вышину этажей», которое видит Вера Павловна, главная героиня романа «Что делать?», в Четвёртом сне.

Станция «Горьковская» приняла первых пассажиров 1 июля 1963 года. С 1914 по 1921 годы писатель проживал в доме 23 по Кронверкскому проспекту, в 1932–1991 годах носившему имя Максима Горького. (Несколько лет назад вернулись, в очередной раз, безрезультатно, к идее создания в квартире писателя мемориального музея). 28 марта 1968 года, в день 100-летия со дня рождения А. М. Горького, напротив станции был

открыт памятник писателю, а в оформлении подземного зала присутствуют его изображения и Буревестника, так и металлические узоры на темы горьковских произведений.

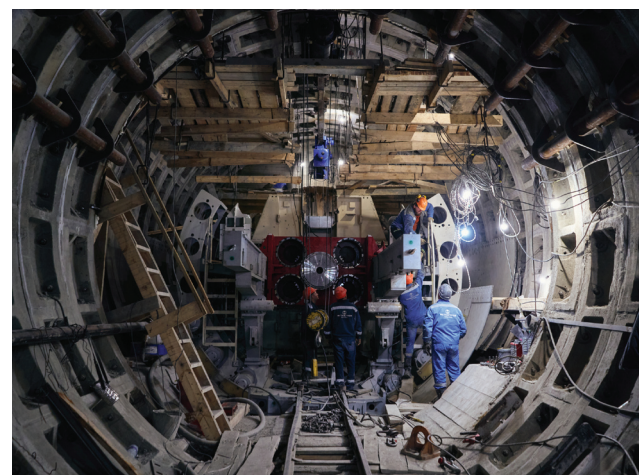
Одна из самых нарядных станций нашего метро — «Маяковская» (открылась 3 ноября 1967 года). Вход на станцию расположен напротив угла Невского проспекта и улицы Маяковского (до 1936 года — Надеждинской), где, в доме 52, поэт жил и работал в 1915–1918 (1919–?) годах. В верхнем вестибюле можно увидеть рельефное изображение Владимира Владимировича во весь рост и прочитать цитаты из его произведений, а в облицованном ярко-красной смальтой подземном зале — портреты Маяковского.

21 декабря 1970 года первые поезда пришли на «Ломоносовскую». Название станции связано с расположенным рядом Императорским фарфоровым заводом, в 1925–2005 годах носившим имя стоявшего у его истоков Михаила Васильевича Ломоносова, его рельефный портрет украшает торцовую стену подземного зала. Интересно, в камнерезных работах по отделке интерьеров станции принимал участие, устроенный «по благу» на Комбинат декоративно-прикладного искусства, ленинградский писатель II половины XX столетия Сергей Донатович Довлатов: об этом эпизоде своей биографии он упоминает в повести «Чемодан».

В канун новогодних праздников, 30 декабря 1991 года открыта станция «Достоевская».

Колонны и стилизованные под старину фонари подземного вестибюля; панно на торцово-

стене при выходе к эскалаторам напоминают кварталы «Петербурга Достоевского», внутри которых и находится станция: в доме 11 по Владимирскому проспекту молодой Достоевский писал «Бедных людей»; дом 18 по Загородному проспекту считается «домом Настасьи Филипповны»

из романа «Идиот»; в доме 5 по Кузнечному переулку писатель провёл последние годы; во Владимирской церкви его отпевали...

Московский метрополитен в три раза превышает петербургский по количеству линий (15) и почти в четыре раза — по количеству станций (275).

В 1990 году историческое название «Тверская» вернули главной улице Москвы; в 1993-м — улицам Пушкинской и Чехова (соответственно, Большой и Малой Дмитровкам), где почти каждый дом последней «Чехова знает». Тем не менее, названия станций метро «Пушкинская» и «Чеховская» сохранили, а «Горьковскую» переименовали, хотя памятник

А. М. Горькому стоит в переходном тоннеле с «Тверской» на «Чеховскую».

Итак, ни в Москве, ни в Петербурге, ни в каком-либо другом городе России, где есть метро (Нижем Новгороде, Самаре, Казани, Екатеринбурге и Новосибирске) нет станции, на-

званной именем великого Николая Васильевича Гоголя. Судя по опубликованным наименованиям станций, которые в будущем намерены построить в городе на Неве, новых «литературных» не предвидится.

Возможно, когда-нибудь реализуют планы по созданию в центре пересадочного узла с Невско-Василюостровской линии на Фрунзенско-Приморскую; его, кстати, «зелёная» и «фиолетовая» не имеют до сих пор.

Будущую станцию «Адмиралтейскую-II» можно было назвать «Гоголевской», ведь дом 17 по Малой Морской улице (в 1902–1993 годах — улице Гоголя) — одно из самых известных «гоголевских» мест

Санкт-Петербурга. А сколько их на Невском проспекте!

Станция петербургского метро 6-й (Красносельско-Калининской или «коричневой») линии «Лиговский проспект-2» примет пассажиров, в лучшем случае, в первой половине 2030-х годов. Но сейчас можно рассмотреть предложение о переименовании её в «Некрасовскую».

Могут возразить, улица Некрасова (до 1922 года — Басейная) находится от будущей станции в пешеходной доступности, но на известном расстоянии. Есть несколько соображений, в силу которых петербургской жизни Николая Алексеевича Некрасова.

Во-первых, с расположенной напротив будущего метровокзала бывшей Ямской слободой и примыкающими к ней кварталами связан целый пласт петербургской жизни Николая Алексеевича Некрасова.

Для юного поэта это был период беспросветной нищеты, голода, ночёвок с бездомными в подвалах, попыток заработать составлением в учреждениях для неграмотных крестьян прошений и прочих документов за кусок хлеба или несколько медных монет. Недолгое обучение в Императорском Санкт-Петербургском университете, поиски себя в русской литературе; сотрудничества с театрами и литературными периодическими изданиями — период становления большого поэта.

В эти годы Некрасов написал под псевдонимами «Н. Перепельский», «Феоклист Онуфрич Боб», «Белопяткин» и другими множество рецензий, фелетонов, водевилей, художественных произведений в стихах и прозе; задумал вместе с Иваном Панаевым восстановить репутацию пушкинского журнала «Современник».

Первым адресом, приехавшего в столицу в июле 1838 года шестнадцатилетнего Некрасова, стали грязные мебельные комнаты в Ямской улице, нынешней улице Достоевского. Позже ему удалось снять у отставного солдата угол во флигеле дома на Разъезжей улице, но вскоре «арендодатель» вышвырнул его за долги за проживание» убогий скерб юноши.

На Разъезжую улицу, на третий этаж дома 24, Николай Алексеевич вернулся в конце 1841 года. Довелось ему в 1840–1850-х годах жить и работать в домах № 18/20 по Свечному переулку, 10 по Стремянной улице, 13 и 17 по Поварскому переулку.

В последние месяцы жизни Виссариона Белинского Некрасов и Панаев посещали его в доме на набережной Лиговского канала (участок дома № 44 по нынешнему Лиговскому проспекту). Эпизод встречи трёх литераторов запечатлён на картине Алексея Аввакумовича Наумова. Кабинет Белинского изображён на полотне 1881 года весьма условно, но его миниатюрную реконструкцию можно увидеть в экспозиции соседствующего с домом-музеем семьи Белинских (Белинских) дома купца Антюшина в городе Белинском (Чембаре) в Пензенской области. Дом на Лиговке, несмотря на мемориальную доску на фасаде, снесён в процессе строительства здесь в 1910–1912 годах громадного «Дома Перцова».

Появление в Северной столице станции метро «Некрасовская» «урavnяет» Москву и Петербург в количестве станций, названных в честь знаменитых писателей. Сегодня в Москве их семь — «Пушкинская», «Достоевская», «Маяковская» (в Петербурге такие тоже есть), «Чеховская», «Тургеневская», «Фонвизинская» и «Тютчевская», а в городе на Неве — шесть: добавим ещё «Ломоносовскую», «Горьковскую» (в древней столице до 1990 года так называлась «Тверская») и «Чернышевскую».

И — главное. По плану станция «Лиговский проспект-2» должна войти в комплекс нового вокзала прокладываемой между двумя столицами высокоскоростной железнодорожной магистрали. После открытия в 1851 году железной дороги «Петербург — Москва» Николай Некрасов стал её постоянным пассажиром. В стихотворении 1864 года «Железная дорога» он описал условия, в которых тысячи согнанных на строительство крестьян прокладывали стальной путь.

Интерьеры надземного и подземного вестибюлей станции метро «Некрасовская» можно было бы оформить панно с фрагментами стихотворения и иллюстрирующими их мозаичными композициями. А пока проходчики работают на участке «Путиловская» — «Каретная» на глубине свыше 60 метров.

На верхнем снимке: памятник А. С. Пушкину в подземном вестибюле станции метро «Пушкинская».

На нижнем снимке — работа на прогоне между станциями метро «Путиловская» — «Каретная»

Лев Барон

История одного журнала

Вспоминая
Николая Карамзина

В российской традиции при защите интересов страны всегда были чёткая нравственная позиция и правдивое СЛОВО. И такая традиция заложена российскими писателями в первые годы XIX века в публикациях журнала «Вестник Европы».

Уже первые номера журнала привлекли внимание, вызвали живейший интерес среди читающей российской публики, стали событием в культурной жизни России и Европы. И это не удивительно, потому что в России и на европейском пространстве журнал с таким названием, старейший русский толстый журнал, основанный в 1802 году, всегда воспринимался как издание европейской литературы, политики, философии и культуры с высоким просветительским предназначением. И в нашем Отечестве его новое возрождение под именем «Европейский вестник» понимается как сохранение именно такой преемственности.

Идея создания журнала принадлежала книготорговцу И. В. Попову, арендовавшему типографию Московского университета. Он предложил Николаю Михайловичу Карамзину, имевшему к тому времени опыт редакторской работы, стать редактором.

В этой типографии 4 января 1802 года на ста страницах был напечатан первый номер журнала с названием «Вестник Европы». В «Письме к Издателю», написанном Карамзиным и открывавшем журнал, обозначалось главное назначение журнала: «...помогать нравственному образованию такого великого и сильного народа, как российский; развивать идеи, указывать новые красоты в жизни, питать душу моральными удовольствиями и сливать ее в сладких чувствах с благом других людей...».

Н. М. Карамзин, обещая, что его журнал «будет извлечением из двенадцати лучших английских, французских и немецких журналов», видел его роль в ознакомлении русских читателей с европейской жизнью и на её положительном культурном примере воспитание общества.

«Вестник Европы» до своего закрытия в 1830 году был эпохальным культурологическим обобщением единства и взаимозависимости Европы и влияния европейского контекста на развитие России. Журнал имел два раздела: «Литература и смесь» и «Политика». Успеху «Вестника Европы» способствовал раздел «Политика», впервые в России включённый в журнал. И если сначала тираж составлял 600 экземпляров, что уже было немало для очень дорогого издания, то достаточно быстро тираж увеличился вдвое.

В числе авторов были Г. Р. Державин, В. А. Жуковский, П. А. Вяземский и другие известные люди того времени. Многие публикации переводились на немецкий и французский языки и перепечатывались в зарубежных изданиях.

В числе литературных и иных новостей российской культурной жизни — первое напечатанное стихотворение А. С. Пушкина — публикация в журнале «Вестник Европы» № 13 за 1814 год.

Николай Михайлович Карамзин — знаменитый русский писатель и исследователь. В 1789–1790 годах, путешествуя по Европе, он встретился с И. Кантом в Кёнигсберге, посетил Париж во время Великой французской революции. Николай Михайлович устанавливал контакты с европейскими изданиями, и это положительно повлияло на последующем на реализацию редакционной политики журнала.

Впечатления от этой поездки были включены в «Письма русского путешественника», публикация которых сразу же сделала Карамзина знаменитым. Есть мнение, что именно с этой книги ведёт свой отсчёт современная русская литература.

Значительно влияние творчества В. М. Карамзина на развитие русского литературного языка. Он приводил язык своих произведений к общепринятому языку своей эпохи, используя, в том числе, в качестве образцов европейские языки, в частности, грамматику и синтаксис французского языка. В нашем Отечестве Н. М. Карамзин известен и как

автор 12-томной «Истории государства Российского».

Самый читаемый журнал России

Издание российского ежемесячного общественно-политического и литературно-художественного журнала «Вестник Европы», возобновилось после 36-летнего перерыва в год столетия со дня рождения Н. М. Карамзина.

Журнал стал издаваться с 9 марта 1866 года. А идея взять название карамзинского издания для нового либерального «профессорского» (в редакционный совет входили представители столичной университетской профессуры) журнала принадлежала историку Николаю Ивановичу Костомарову. Сохранение названия свидетельствовало, что на страницах журнала ставился и освещался вопрос о возможном выборе исторического пути России. И во всех четырех томах первого года издания журнала публиковались статьи о Карамзине известных литераторов и историков К. Н. Бестужева-Рюмина, П. А. Вяземского, П. А. Плетнева, М. П. Погодина, С. М. Соловьева и других.

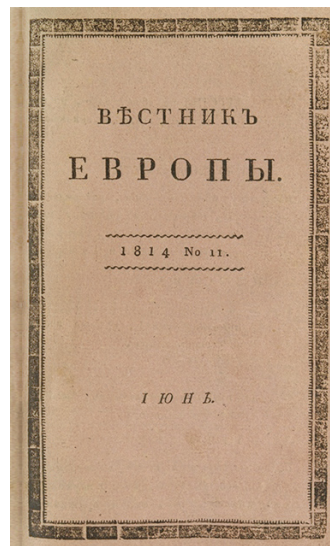
С 1866 по 1911 годы редакция журнала «Вестник Европы» находилась в Санкт-Петербурге по адресу: Галерная улица, д. 20, кв. 80, в которой и проживал главный редактор — Михаил Матвеевич Стасюлевич, доктор исторических наук, профессор, действительный статский советник.

В редакционной программе объявлялось, что журнал будет преимущественно историческим и состоять из пяти разделов: исторического, библиографического, литературного, педагогического и историко-хроникального. Последний раздел в следующие два года был разделён на самостоятельные отделы: «Внутреннее обозрение», «Земская хроника», «Судебная хроника», «Иностранная политика», «Литературное обозрение», «Известия».

М. М. Стасюлевич изучал Европу в 1856–1858 годах в ходе длительной научной командировки в Англию, Францию и Германию. Это способствовало установке контактов не только по научной линии. Так, уже в качестве редактора Михаил Матвеевич в 1870-е годы организовал публикацию цикла очерков Э. Золя «Парижские письма». Они знакомили русское общество с бытом и культурной жизнью

Франции, давали представление о творчестве Э. Золя и других европейских писателей.

В журнале публиковали статьи ведущие юристы, экономисты страны К. Д. Кавелин, М. М. Винавер, А. Ф. Кони, В. Д. Спасович, К. К. Арсеньев и другие. Это способствовало формированию части правового и экономического дискурса Российской Империи. Их роль в пореформенной России в годы правления Императора Александра II была особой: при помощи публикаций в периодике они пытались доказывать государству и обществу преимущества стабильного общества, основанного на законе и взаимном уважении.

М. М. Стасюлевич был убежденным сторонником сохранения богатого наследия русской науки и культуры, передачи его от одной исторической эпохи другой. В различные периоды в журнале публиковались крупнейшие русские ученые К. А. Тимирязев, И. М. Сеченов, И. И. Мечников и другие. В нём печатали произведения великих русских писателей И. С. Тургенева, И. А. Гончарова, М. Е. Салтыкова-Щедрина. А первым автором возрождённого журнала стал А. Н. Островский, опубликовавший в нём одну из своих пьес.

В социально-политическом ракурсе «Вестник Европы» имел четко выраженную прозападную ориентацию и это привело, например, к полемике, к расхождению с идеями великого русского писателя Ф. М. Достоевского. Редакция журнала в годы общественного подъёма в поддержку зарубежных православных славян обращала внимание в публицистике Достоевского на чрезмерное «ославнофильвание» проблемы.

Весь период издания на страницах журнала находили отражение актуальные темы европей-

ской политики, а также статьи, раскрывавшие опыт политической мысли и государственного строительства в Западной Европе. Но центральное место занимали вопросы общественно-политической и культурной жизни, внутренней политики России.

Так, «Вестник Европы» в 1860–1880-е годы находился в числе немногих российских журналов, освещавших украинский вопрос и формировавших позитивное мнение о целях украинофилов. Редакция — решительный противник насильственных радикальных мер, организовала серию публикаций, направленных на дискредитацию первой русской революции в октябре — декабре 1905 года.

До 1900 года в каждом номере присутствовали библиографические списки, включенные в рубрики «Библиографический листок» и «Объявления». Так, в «Библиографическом листке» помещались аннотированные списки нескольких вышедших изданий, соответствующих направлениям журнала: история, политика, педагогика, литература.

«Вестник Европы» всегда отличался от других журналов высоким качеством полиграфии, потому что, как считала редакция, от внешнего вида зависела его репутация «приличного» журнала. Так, на протяжении 1860-х годов он печатался в типографии Ф. С. Сучинского, оснащённой пятью новейшими скоропечатными машинами с русскими, польскими и французскими шрифтами.

Редакционная политика и содержание журнала привели к тому, что, если в 1866–1867 годах журнал выходил в четырёх томах, по 50–60 печатных листов каждый, то, начиная с 1868 года, он стал ежемесячным. Число подписчиков с 2,5 тысячи человек в первый год издания через пять лет увеличилось более чем в 3,5 раза. Эта цифра была сравнима с газетными тиражами столичных «Биржевых ведомостей» и «С.-Петербургских ведомостей», тираж которых колебался от 7,5 тысяч до 10,3 тысяч экземпляров.

Более полувека «Вестник Европы» до закрытия в 1918 году был самым читаемым и долговечным журналом в России.

Новый проект старого издания

2025 год ознаменован началом издания общественной организацией «Европейский фонд славянской письменности и культуры» журнала «Европейский вестник». Новый проект реализуется по

инициативе Игоря Ивановича Бондаренко, доктора юридических наук, профессора, Президента этого Фонда.

Несмотря на различие в названии, преемственность с двумя первыми журналами «Вестник Европы» очевидно. И это подтверждается просветительской миссией журнала, представленной в первом номере главным редактором журнала «Европейский вестник» Натальей Ядрышниковой.

Главной целью нового издания остаётся формирование и культурологическое обобщение взаимозависимости и взаимовлияния народов и культур в европейском контенте.

Посвящённая жизни русскоязычных соотечественников в Европе, миссия включает в себя общеевропейские вопросы культуры; межкультурный диалог на европейском пространстве; изучение русского языка и обмен методическим опытом его преподавания в европейских странах; изучение истории, исторических фактов и архивных материалов; мемориальную работу и сохранение исторической памяти.

Миссия выполнима в случае создания на платформе проекта не просто информационной площадки, но места встреч, диалога, взаимопомощи и вдохновения. И не только для тех, кто, проживая за пределами исторической родины, сохраняет связь с ней через язык, культуру, общие ценности, но для всех культурных людей на европейском континенте.

«Европейский вестник» продолжает карамзинскую традицию профессорского уровня организации работы редакционного совета и в этом безусловная заслуга профессора Игоря Бондаренко.

Во все времена редакционная политика осуществлялась в строгих рамках общественной морали, высокого уровня культуры, формируя вокруг издания соответствующий круг читателей. И это имеет особое значение сегодня в условиях попыток разорвать единую культурную европейскую ткань на потеху и в интересах англосаксонских сил.

Как и раньше, журнал яркий, красочен, его приятно взять в руки. Текстовый и иллюстративный материалы размещены в гармонии и способствуют глубокому и точному восприятию.

Есть и отличие от миссии журнала «Вестник Европы». Идея Карамзина была в поиске и использовании европейского культурного опыта в России, а «Европейский вестник» расширяет горизонты культурного пространства с учётом, что его русская часть уже

присутствует в Европе и призвана представлять теперь европейцам русскую культуру. Продвижение, по образному определению члена нашей секции писателя В. А. Васильева, «русскости» в культурном и, прежде всего, литературном пространстве — это задача чрезвычайной важности и такой же сложности в современных невероятно запутанных и взрывоопасных условиях.

И ничего удивительного, что именно русскость сегодня выступает и хранителем подлинной общей европейской культуры.

Своеобразие журнала, его каждый очередной номер — тематический. Начало было положено темой «Русский язык в Европе. 2025». Затем внимание сосредоточили на «Памяти. Мемориальной работе». И тематическая линейка продолжает насыщаться новыми идеями, интересными для читателей.

Для её решения в редакционную команду приглашаются профессиональные журналисты, педагоги, исследователи, литераторы и культурные деятели из разных стран Европы. К команде присоединились представители Словакии, Италии, Болгарии, Белоруссии и, конечно, России.

В культурный диалог уже включаются Франция, Австрия и Венгрия, а также международные и национальные общественные органи-

зации: Ассамблея Народов Мира, Национальное Движения русофилов из Болгарии, Русский дом в Риме, Австрийское общество поддержки русского языка и культуры, поисковые организации и исследовательские центры.

Особо следует выделить присоединение к проекту академических учреждений, например, Российской академии художеств.

Высокому уровню публикаций способствует и материалы, подготовленные учёными, исследователями, в том числе и на архивных материалах, из высших учебных заведений: Университет Матеев Бела, города Банска-Быстрица, Санкт-Петербургский университет Государственной противопожарной службы МЧС России имени Героя Российской Федерации генерала армии Е. Н. Зиничева, Северо-Западный филиал Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева и другие.

Важным представляется и участие средств массовой информации, в числе первых — «Russia Times News», международный итальянский портал planet360.info.

И конечно, персональное участие людей добавляет в академическое и строгое содержание журнала душевность, доверительность и тепло, так необходимые для формиро-

вания контакта с читателем. Показательно в этом смысле интервью с Еленой Вячеславовной Сабуровой — прямым потомком А. С. Пушкина. Е. В. Сабурова, возглавляющая Попечительский совет Ассоциации Содружества образовательных организаций имени А. С. Пушкина, включающей более шести десятков учебных заведений, называет себя «лекарем в культуре». И это органично вписывается в миссию журнала.

Высока роль и значение «Европейского вестника» в сохранении общеевропейской исторической памяти. Достаточно обратиться к усилиям по продвижению масштабного международного гуманитарного проекта «Книга па-

мяти. Европа», посвящённого памяти советских солдат, отдавших жизни за освобождение европейских народов от нацизма. Результаты проекта документируются уже в шестнадцатом томе. В этом ряду — поддержка инициативы практического воплощения идеи Совета Федерации Российской Федерации о признании Победы над нацизмом как всемирного наследия человечества.

Остаются в зоне пристального внимания журнала очаги и даже следы русской культуры в странах Европы. В одном из номеров, например, размещён замечательный репортаж из Франции.

Авторы солидарны с мнением редакционного совета журна-

ла «Европейский вестник», «что со временем круг наших авторов и читателей будет расширяться, а тематика — углубляться, охватывая всё больше граней жизни русскоязычного мира в Европе и культурного взаимодействия между народами».

Эта убежденность базируется на открытости и готовности к сотрудничеству с теми, кому близка миссия «Европейского вестника», что журнал создаётся людьми, объединёнными любовью к русскому слову и интересом к многообразной жизни наших общин за рубежом и европейской культуре в целом.

Журнал стремится стать голосом тех, кто, проживая за пределами исторической родины, сохраняет связь с ней через язык, культуру и общие ценности. Члены Санкт-Петербургского отделения Союза писателей России присоединили в этой благородной гуманитарной миссии и свое СЛОВО. В первых номерах «Европейского вестника» опубликованы материалы В. Лукина, Т. Мусиенко, члена Союза журналистов России Ю. Попова, профессора В. Журавлёва. Известные петербургские писатели В. Васильев, А. Измайлов, Ю. Коршунов готовят к публикации результаты своего творчества.

Петербургские писатели считают важным участие в этом

проекте в условиях, когда «перо приравнено к штыку», и уверены в достижении совместными усилиями таких же успехов, которых добивался «Вестник Европы» со времён Николая Михайловича Карамзина.

На заседании секции художественно-документальной прозы Санкт-Петербургского отделения Союза писателей России проведена презентация очередного номера журнала «Европейского вестника», что журнал создаётся людьми, объединёнными любовью к русскому слову и интересом к многообразной жизни наших общин за рубежом и европейской культуре в целом.

Более чем вековая история журнала «Вестник Европы» и его вклад не только в общеевропейскую культуру, но и само влияние на межстрановые отношения на европейском пространстве столь значительны, что становятся предметом научных исследований, а результаты его оформляются в научных статьях и диссертациях. Надеемся, что все традиции замечательного литературного проекта под названием «Европейский вестник» будут продолжены, и через годы также станут изучаться нашими потомками.

В. Лукин, член Союза писателей России, Т. Мусиенко, доктор политических наук, профессор.

МЕРОПРИЯТИЯ В КНИЖНОЙ ЛАВКЕ ПИСАТЕЛЕЙ

ИЮНЬ

- 02.06** в 19:00 **София Гайкалова (Вейс)**. Творческий вечер. Издательство «Питер»
- 03.06** в 19:00 **Ангелина Саратовцева**. Школа литературного мастерства.
Лекция «Как написать успешный любовный роман. Часть 2»
- 04.06** в 19:00 **Михаил Зверев**. Союз писателей России. Презентация книги «Судьбу не кляня»
- 05.06** в 19:00 **Илья Виноградов**. Презентация книги Дмитрия Коржова «Полюшко-поле»
- 06.06** в 15:00 Книжный клуб «Группа №4». Обсуждение книги «Бражники и блудницы. Как жили, любили и умирали поэты Серебряного века»
- 09.06** в 19:00 **Наталья Берзина**. Творческая встреча с писателем
- 10.06** в 18:30 **Юлия Андреева**. Презентация двух новых сборников серии «Петраэдр»
- 11.06** в 19:00 **Дмитрий Тарасов**. Союз писателей России. Презентация книги «Мельница лет»
- 17.06** в 19:00 **Дина Бакулина**. Союз писателей России.
«Презентация книги «Господи, дай краски жизни моей»
- 18.06** в 19:00 **Георгий Дмитриев**. Презентация книги «Жизнь Никанора (клементьевского), митрополита Новгородского и Санкт-Петербургского»
- 22.06** в 18:00 **Андрей Богданов**. Союз писателей России. «Литературный театр»
- 23.06** в 16:00 Литературный проект «Просто фантастика!». Старт Недели молодого фантаста.
- 23.06** в 19:00 **Александр Суслов**. Презентация книги «Мы – дети галактики». 6+

Дмитрий Тарасов

Наталья Берзина

РЕКОМЕНДУЕМ ПРИХОДИТЬ
ЗА 20 МИНУТ ДО НАЧАЛА
МЕРОПРИЯТИЯ В НАШ ЛЕКТОРИЙ.

АДРЕС: НЕВСКИЙ ПР., 66

ВХОД НА ВСЕ МЕРОПРИЯТИЯ
СВОБОДНЫЙ!

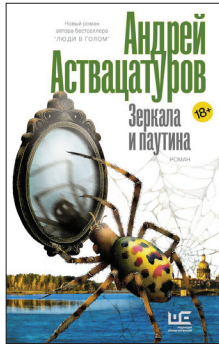

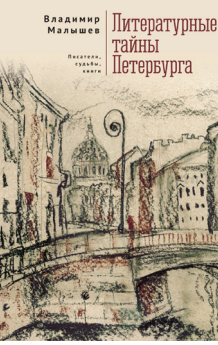
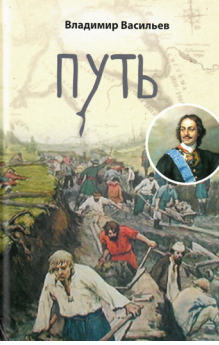

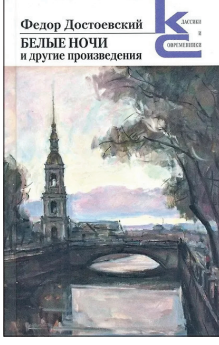

ВНИМАНИЕ!

В программе мероприятий
возможны изменения.
Следите за актуальной
информацией на сайте
www.lavkapisateley.spb.ru

«Книжная лавка писателей» предлагает

<p>Водолазкин Е. «Последнее дело майора Чистова»</p>	<p>Аствацатуров А. «Зеркала и паутина»</p>	<p>Орловская В. «Автопортрет»</p>
 <p>Сюжет нового романа Водолазкина построен как детектив и разворачивается в современном Петербурге. Убивают ученого, исследовавшего искусственный интеллект. Расследует убийство майор Чистов, а помогает ему лейтенант, чья слабость — литература.</p>	 <p>Новый роман петербургского писателя, филолога и преподавателя. Ироническое повествование о злоключениях советско-российского интеллигента на кафедре и в любви. «Свобода, которая так жадно желается, как будто бы выглядит растаявшей иллюзией»</p>	 <p>Книга новой поэзии Веры Орловской состоит из трех частей: «Автопортрет», «Офорты (изнанка мира)», «Радость жить». И переводов, представляющих французскую классическую и современную поэзию.</p>
<p>Малышев В. «Литературные тайны Петербурга».</p>	<p>Васильев В. «Путь»</p>	<p>Сажин Д. «Небо сменяется небом»</p>
 <p>Петербург — не только город литературных гениев, это еще и город многочисленных жизненных драм и многих литературных тайн и загадок. О необыкновенных судьбах писателей и поэтов Петербурга и рассказывает книга Владимира Малышева.</p>	 <p>Повесть «Путь» члена Союза писателей России Владимира Васильева помогает оказаться в гуще событий XVIII века. Строительство Тихвинского канала, способный инженер-гидротехник Ефим Прохоров, суровая жизнь исследователей водного пути и конечно любовь!</p>	 <p>Четвертый сборник петербургского поэта Дмитрия Сажина включает в себя три цикла стихотворений. Первые пятнадцать лет жизни поэт провел на Васильевском острове, который стал одной из главных тем его творчества.</p>
<p>Пиотровский М., Кленская И. «Тайны шелкового пути»</p>	<p>Достоевский Ф. М. «Белые ночи и другие произведения»</p>	<p>Коршунов Н. «Таинственный Петербург»</p>
 <p>Беседы о восточной коллекции Эрмитажа. Директор Эрмитажа Михаил Пиотровский и известная ведущая радиопередач о культуре Ирина Кленская приглашают вас в путешествие по древним царствам Востока.</p>	 <p>Переиздание в легендарной серии «Классики и современники». «Бедные люди», «Белые ночи» и повесть «Неточка Незванова» сразу сделали имя Ф. М. Достоевского известным не только в литературных кругах, но и среди читателей.</p>	 <p>В этой книге Николай Коршунов, известный музыкант, бас-гитарист легендарной группы «Крематорий» и кандидат философских наук, попытался собрать все тайны Северной Венеции воедино, чтобы понять, в чем же феномен таинственности города на Неве.</p>
<p>Караулов С. «Эстетика Петербурга»</p>	<p>Глинка Н. «Юность Петербурга»</p>	<p>Голь Н. «По Летнему саду с одиннадцатью остановками»</p>
 <p>Загляните туда, куда обычно не водят экскурсии: во дворы, где Петербург живет своей настоящей, не глянцево-жизнью. Вас ждет необычная книжная прогулка с посещением 17 очень любопытных зданий — от старого дома купца Устинова до необычного доходного палатца владельца невских буксиров Прохорова.</p>	 <p>Книга Натальи Ивановны Глинка «Юность Петербурга» — это классика исторической литературы для детей. Книга раскрывает читателю, в чем секрет красоты Петербурга, позволяет понять, что талант, помноженный на великий труд, это и есть гений.</p>	 <p>Из книги Вы узнаете не только историю создания Летнего сада, но и познакомитесь со скульптурным убранством, садово-парковым ландшафтом. Истории, написанные Николаем Голем, понятны и увлекательны для семейного прочтения.</p>